

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Июль 2009 г.
№ 7 (19)

В.К. АРСЕНЬЕВ

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
• Геннадий БОГДАНОВ •
(с. 3)

ПРОЗА
• Нина ПОЛУПОЛТИННЫХ •
(с. 7)

ФОТОРЕПОРТАЖ
• Арсеньевские встречи •
(с. 10)

МАЭСТРО
• Евгений ВЕСНИК •
(с. 18)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ВО ИМЯ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Дни славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке

1 июня Арсеньев встречал участников автопробега, посвященного Дням славянской письменности.
На снимке (слева направо): Владимир Тыцких, Юрий Кабанков, Сергей Барабаш,
Вера Гундарева, Сергей Сидоренко, Сергей Кузнецов, Эльвира Кочеткова,
Виктор Костин, Владимир Костылев, Нина Назаренко

Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев.

ПРОЗА
• Владимир ДОВЖЕНКО •
(с. 21)

ИСТОКИ
• Галина ЯКУНИНА •
(с. 26)

ПОЭЗИЯ
• Михаил ГУТМАН •
(с. 28)

ПОЭЗИЯ
• Александра ЗОЛОТАРЬ •
(с. 32)

Коротко о главном

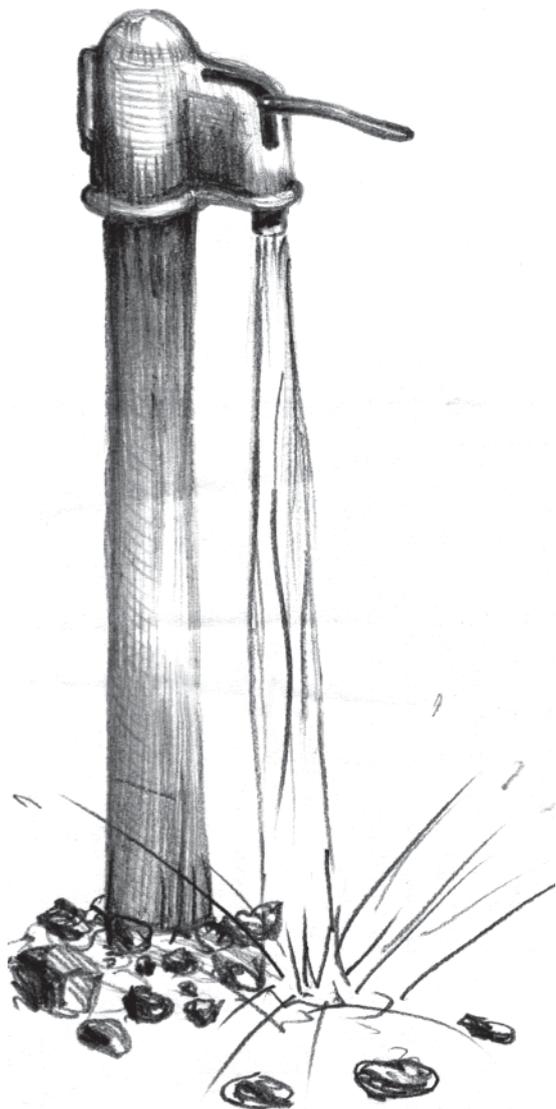

Рисунок
Натали ПАНЬКИНОЙ,
г. Арсеньев.

12 июня наша страна отметила День России. По городам и весям прокатилась волна добровольно-обязательных мероприятий: митингов, демонстраций, концертов, других торжественных мероприятий. Как водится, организаторами акций выступила «Единая Россия» (пожалуй, самое удивительное из словосочетаний, пишущихся в кавычках).

Новый праздник великой страны. И значит – народ обязан ликовать и веселиться. А обанкротившиеся предприятия, повальное пьянство на селе, неустроенная российская (!) молодёжь, – явление временное, незначительное, и потому – не заслуживающее внимания во всеобщем потоке ликования. Ведь, если верить телевизионным выступлениям лидеров нашего государства, час от часу жизнь среднестатистического россиянина только улучшается: рост ВВП, положительные процессы в экономике, увеличение размеров пенсии, заработной платы и т.д. И даже кризис – угроза Европе или Америке, а у нас оптимистичные заявления премьера: «Зачем нам помогать, мы же не инвалиды какие-то». Но, быть может, чтобы увидеть реальную картину жизни в России, необходимо хотя бы изредка покидать стены московского Кремля и совершать поездки по стране? Да не по кабинетам олигархов, губернаторов и мэров проводить заседания, а проехать в плацкартном вагоне по маршруту Москва–Владивосток с остановками, например, в Шатуре, Борзе, Николаевске-на Амуре, Лесозаводске, Новошахтинском... С посещением градообразующих предприятий в указанных населённых пунктах. Поговорить с народом – если не о величине заработной платы, то о том хотя бы – «кому живётся весело, вольготно на Руси»...

Куда проще «кормить» народ сказками о реформах, инновациях, толерантности и прочим бредом – потерпите, россияне, мы великая нация, вот и праздник у нас есть – День России. А чтобы не так горько вам было, пожалуйста, смотрите «Дом-2», «Счастливы вместе» и прочие «шоу»... Для вашего же блага, россияне, стараемся!

Но любить даже такую Россию нас призывали Гоголь и Достоевский. Любить во имя Добра, вопреки злу.

Слава Богу, Россия – это не только указы недалёкого умом чинуши, это прежде всего русские люди – добрые, хлебосольные, отзывчивые, умеющие прощать. Россия – это великая русская литература: Пушкин, Цветаева, Блок, Пастернак, Платонов, Толстой <...>; это первый в мире космонавт Юрий Гагарин; это гениальнейшие учёные: Курчатов, Попов, Королёв и другие; но прежде всего и всего более: Россия – хранительница Православия. И если помнить об этом и понимать 12 июня именно таким торжеством, то, не сомневаясь ни мгновения, скажу: мой праздник!

Владимир КОСТЫЛЕВ

НЕ ВСЁ ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ...

Геннадий БОГДАНОВ

Довольно-таки часто мне приходится перелистывать увесистые сборники стихов, которые присылают мои знакомые из рядов пишущей братии, конечно же, с надеждой получить положительный отзыв. Иногда сослуживцы приносят книги, подаренные им самими авторами из глубинки или городов России. Вот и сегодня лежат на моём рабочем столе два внешне великолепных сборника. Автор сборника «Лирика» (избранное, часть третья) в 255 страниц живёт на Крайнем Севере, но книга издана в Москве немалым тиражом. Её полиграфии можно только позавидовать: твердый переплёт, золотое теснение, высококачественная бумага. Внимательно углубившись в текст, недоумеваю: ну есть две-три строчки на уровне, остальное же сто раз было сказано и перепето, ничего выдающегося. Спрашивается, зачем и кому нужно такое издание?

Сборник стихов другого автора отпечатан во Владивостоке. Книга немного уступает в полиграфии, но компьютерная графика и оформление мягкой обложки вполне достойны. Тираж тоже солидный, по меркам нашего времени. Но читая этот сборник, можно умереть от тоски. Предисловие к стихам введёт в заблуждение любого читателя: здесь автор стихов – просто мастер мирового масштаба, член СП, выпустивший множество поэтических сборников. По-моему, это уже неизлечимая болезнь. По понятным причинам я не называю имён авторов этих книг. Просто хочу на данном примере предостеречь наших авторов и читателей от казусов подобного рода: не всё золото, что блестит – гласит народная мудрость.

Всё, что связано с поэзией, всегда волнует меня. Сердечно благодарен **Владимиру Павловичу Самарскому** за подготовку статьи к 120-летию со дня рождения **А.А. Ахматовой**.

От всей души поздравляю нашего командора «Парусов» с юбилеем! Многие лета Вам, **Владимир Михайлович!** С удовольствием прочитал «Балладу о годе рождения». Прекрасны два последующих лирических стихотворения. Все стихи **В.Тыцких** переполняют любовь к жизни, искривленная, всеобъемлющая.

О стихах **Вячеслава Протасова** можно говорить бесконечно. Признаюсь честно: прочитав подборку «Свобода выбора», я по-настоящему полюбил нерифмованные стихи и понял их суть, природу создания и еще что-то такое, что находится за пределами человеческого разума. Читайте диптих «В провинциальном городе» и вы всё поймете!

Когда в парфюмерном магазине выбираешь духи или туалетную воду, продавец после вдыхания аромата очередного флакона даёт понюхать баночку с натуральными кофейными зернами. Понятная процедура. Вот, думаю, где найти такие кофейные зёрна, чтобы переключиться от одного впечатления от прочитанных стихов к другому? Наверное, надо отвлечься и прочитать что-нибудь

нейтральное, к примеру, пару-тройку стихов из красивых сборников, лежащих у меня на столе, о которых я написал выше.

В стихах **Марины Зайцевой** чувствуется набитость руки. Её подборка «Экспромт под метель» написана вполне ровно. Понятны чувства и переживания автора. По-православному звучит стихотворение «Наша жизнь с рожденья суета». Душа-то, она изначально христианка! В последнем стихотворении «Платиновой пылью припуржило» надо пересмотреть и доработать третью строку первого четверостишья. Выбивается из ритма самое начало строки: «Ко мне...». Надеюсь, автор учтёт замечания и доведёт стихотворение до совершенства.

Наш уважаемый автор **Николай Чайка** от скромности не умрёт. Вместо названия подборки – две похвалы и заверение в бесспорной одарённости поэта. Неужели без этого предисловия читатель не разберётся в стихах?

Посвящение **Евгению Яковлевичу Веснику** не нуждается ни в каких предисловиях. И всё-таки я бы убрал четвертый и последний катрен из этого стихотворения. Посвящение, на мой взгляд, великолепно кончается на предпоследней строфе, ибо «мы с тобой повстречаемся – и расстанемся вновь» звучит тривиально. Н.Чайка, как всегда, увлекается, но со стороны хорошо видно лишнее и надо не бояться его отсекавать. «Сверчок» навеял грусть. И потом, мне непонятно выражение «грустный шар прямоугольный»... (?)

Подтверждение тому, что Русь больше языческая, чем православная, я нахожу не только в своих наблюдениях и в высказываниях дьякона **Кураева**, но и в стихотворении Н. Чайки «Крещение Руси», которым заканчивается ёмкая подборка без названия.

Читая стихи **Веры Саченко**, погружаешься в мир исконно русской природы, дышишь полной грудью чистым воздухом полей. Стихи автора напевны и самобытны. Понравились стихотворения «Смешенье», «Звездочка во мгле», «По совести».

Несколько слов о стихах **Ирины Надольной**: «Бетонные тела домов», пожалуй, самое удачное стихотворение в подборке. Хотя и остальные стихи заслуживают внимания читателя, но в них присутствует вторичность.

Серьёзно заявляет о себе **Владимир Чугаев**. Его лирика интересна и необычна. Само название стихотворения «Слепое кино» интригует. Мастерски написано «Летнее кафе». Понравился сюжет стихотворения «Когда я брошу...». «Ты уснула» – очень нежное лирическое стихотворение, но, думаю, концовку надо сделать более внятной. Последняя строка просто не стыкуется с текстом заключительного катрена. Здесь нужна работа автора, тем более что стихотворение этого стоит.

До новых творческих встреч на страницах нашей газеты!

«Надпись на сгоревшей берёсте»

Юрий КАБАНКОВ

Случился однажды разговор (быть может – не помню, – даже с самим автором) о том, читаю ли я стихи Владимира Тыцких все подряд – по мере их выхода в свет? Отрицательный ответ, по всей видимости, огорчил собеседника. Я сравнил тогда его стихотворения – одно, другое, третье – две тыщи первое – с

кадрами киноленты, которые при рассматривании на свет «вручную» почти не отличаются один от другого. Однако, заметил я тогда, ежели эти стоп-кадры «выхватывать глазом» с некоторыми промежутками, получаются этакие «слюдяной прозрачности» слайды, каких не «сфотографирует» никто, кроме него. А главное – эти, кажущиеся лишними, повторными, «промежутки» являют собой тот самый воздух, без которого читатель (а скорее и сам автор) мог бы попросту задохнуться. Я уж не говорю о «необходимости наличия» хотя бы старенького шестнадцатимиллиметрового кинопроектора с его нехитрой оптикой и «волшебным лучом», дабы эти бесчисленные стоп-кадры ожили и заиграли как некое единое целое. У меня покуда – и к сожалению – нет возможности для такого широкофокусного, «клеёнчатого», как у стрекозы, обзора («клеёнчатое зреньё насекомых / тысячекратно, словно кинолента»). Авось появится. Возвращаю Володе Тыцких его фразу, сказанную когда-то о моих виршах: «Мне не по глазам».

Ровно десять лет назад, в пятидесятилетний юбилей (и не «только-лишь» поэта Владимира Тыцких), я написал в том же «киношном» ключе такие строки:

...А ежели продолжать игру в наш кинотеатр, где свет незаметно гаснет, являя собой неуловимое «сфумато», и, как живой, начинает стрекотать кинопроектор, – я сказал бы, что Вячеславу Протасову и Татьяне Вассуниной, должно быть, уютно в пустом полумраке кинозала: их можно бы назвать певцами сумерек (называли же так

Чехова неумные критики, напрочь забывая о том, что сумерки бывают не только вечерними, но и – предрассветными, с «алмазными» каплями росы на траве и прочими земными утехами).

Владимир Тыцких (насколько я ощущаю его поэтику) – «певец дня» с его солнечными радостями, за которые стоит и должно вступать в борьбу с тёмными силами, «злобно гнетущими нас»: судьба играет каждым; и Володя, обернувшись на экран, произнесёт:

*...Я честную игру ценю.
Пусть кое-кто стоит у края,
Но я пойду по острию...*

Здесь, думаю, необходимо было бы акцентировать слово «пойду»; и – как финал, как результат этого движения, этого действия –

*...вдруг некто сдвинет стул со скрипом,
Собой владея не вполне,
И я возьму последний прикуп,
Судьбой положенный не мне...*

...Ибо Володя Тыцких, что называется, поэт действия. А ежели созерцание – то на ходу, в движении: мир вокруг должен двигаться, щёлкать, свиристеть, гудеть, в конце концов, пароходным гудком. И даже если

*...не худо бы на летней зорьке
забросить удочку в Иртыш...*

– мечтательная тишина утренней рыбалки оборачивается сердечной тревогой, активным неприятием бесовского расщепления, проявленного в отторжении его «малой родины» – Восточного Казахстана – от России:

*Уж в тех краях страна иная
И, стало быть, иной народ...
Я столько лет уже не знаю,
Как там, на родине, клюёт,*

Владимир ТЫЦКИХ

*Какой с утра ползёт туманец
Под сень знакомых мне ракут,
Где мой братишка-иностранец
Печально с удочкой сидит.*

Всеохватное жизнелюбие не допускает отступлений; и там, где иной стихотворец заключит в поэтическую рамку орнаментальную жалобу на судьбу, – у Владимира Тыцких мужественная констатация, выраженная, как правило, в образно-афористическом ключе:

*Судьба моя – не то чтобы жестоко
(не так, чтоб я преодолеть не мог),
Но – повторит рельеф Владивостока,
Изрезанный и вдоль, и поперёк.*

Сейчас я добавил бы к сказанному, что в «динамическом оптимизме» Владимира Тыцких появилась (или я тогда не разглядел?) трагическая басовая нота как знак некоей «спокойной мудрости» (его слова), которую не унять (басовую-то ноту!) никакими державинскими «лирическими восклицаниями». Тем более, что его «осень печальная» «не листву сжигает – мосты сжигает за собой».

*... И через зябкую невзрачность,
Сквозь нищету её убранств
Проникнуть в светлую прозрачность
Её задумчивых пространств.*

*Влачась по лужам и ухабам,
Принять её житьё-бытьё,
Чуть-чуть приблизившись хотя бы,
К спокойной мудрости её...*

Но, даже несмотря на сие басовое «виолончельное мычание», когда по-некрасовски «лес обнажился, поля опустели», Тыцких остаётся именно лирическим поэтом: мерцательная философичность, злободневная («довлеет дневи злоба его») публицистичность у него «работают» (то есть – цепляют сердечное внимание) – «лишь-только» потому, что они, слава Богу, не умозрительны, а, скажем важно, экзистенциональны – сиречь лиричны – живы и непосредственны. (Как, замечу, непосредственна и свежа, несмотря на, казалось бы, вековую затёртость и даже «пошловатость» образа, его «роза на снегу»; это в «Дорожном романсе»:

*И дал мне Бог попутчицу такую!
Вы были словно роза на снегу.
Я тридцать зим без вас перезимую
И тридцать лет забыть вас не смогу).*

Александр Блок, почему-то любивший такие «затёртые» образы, скажет: «Лирика есть Я, макрокосм, и весь мир поэта лирического лежит в его способе восприятия». Но в лирике Владимира Тыцких это горделивое «Я» каким-то неуловимым образом «вдруг» начинает звучать и восприниматься как некое всеобщее «Мы» (это когда наше дорогое «Я», без осознания себя частью всеобщего целого, попросту не существует;

как у того же Блока: «Уж через край перелилась / Восторга творческого чаша, / И всё уж не моё, а наше, / И с миром утвердилась связь»). Отсюда и вернёмся к нашей «басовой трагичности виолончельного мычания».

В стихотворении «Ночной перегон» образ летящего сквозь ночь поезда (ну, не загигать же пальцы, перечисляя все скорые и нескорые, товарные и литерные русской поэзии – от, скажем, тех самых блоковских вагонов, которые «...шли привычной линией, / Подрагивали и скрипели. / Молчали жёлтые и синие, / В зелёных плакали и пели» – до рубцовского «И какое ж может быть крушение, / Если столько в поезде народу?!»), – этот образ у Тыцких одновременно и традиционен, и нов: на стыке этой парадоксальной невозможности и возникает столь необходимая для читателя искра доверия и сопереживания.

*... Но справа скала отвесная,
А слева трава до пояса:
Опять колея кромешная
Летит под колёса поезда.*

*Он просто какой-то бешеный!
Стоп-краны у ночи сорваны,
И с грохотом тьма железная
На все раскатилась стороны.*

*Гляжу сквозь стекло калёное:
Ни зги не видать за шторами,
Лишь гуще мрак меж зелёными
Да красными семафорами...*

Сюда же (или отсюда?) горькое

*Простимся. Гарью пахнет ветер,
И свет не пробивает тьму.
И жест зовущий безответен,
И крик не слышен никому.*

Сюда же (или отсюда?) стихотворение, давшее своё название этому моему тексту: «Надпись на сгоревшей берёсте».

*Прости, Святая Русь,
Мой непобедный стих.
Не за себя боюсь –
За гусярлов твоих.*

*Про горний свет поём
На дне вселенской тьмы.
Да мы ли здесь живём?
Да и живём ли мы...*

Берёста сгорела. И с нею – надпись. Этокое протомарксистское «отрицание отрицания». Один грек сказал: все греки лгут; лжёт ли сей грек? Мысль изреченная есть ложь? «Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит» (Ахматова). А «век ше-

ствуует путём своим железным», – угрюмо констатирует Александр Блок, – «А ты всё та же – лес да поле, / Да плат узорный до бровей». Всё та же: «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа! / Край ты мой долготерпенья, / Край ты русского народа!» Даже ваш покорный слуга, вторя сией по-русски классической тоскливо-виолончельной басовости, тщился дерзать не по разуму: «Всё само собой: легко и просто / купола возводит муравей, / бесы изнывают от коросты, / плат чужой надвинув до бровей». А уж Блок-то – вслед за Тютчевым: «Россия, нищая Россия! / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слёзы первые любви!» Отсюда и у Владимира Тыцких дерзновенно брезжит тот самый «русский путь», затянутый по-кузнецовски чуть ли не морским узлом:

*И о чём опять напоминают
Облака на золоте зари?
Широка страна моя родная,
Что там про неё ни говори.
[...]
На дворе погода-непогода,
Так, не так – кончаем ночевать.
Не избыть, что неизбывно сроду –
Русского пути не миновать.*

«Дайте Тютчеву стрекозу! / Догадайтесь – почему?» – почти легкомысленно дразнит нас Мандельштам, основательно ступивший на этот русский путь и не очень-то жалуемый, как мне кажется (Мандельштам, а не путь), читателем Владимиром Тыцких. Ну не дали, не догадались... А вот Тыцких – «Люблю грозу в начале мая!» – широко расщедрился «В последнюю ночь весны»:

*...Сейчас она ударит током
И целый мир повергнет в шок!
Сродни вселенскому потоку
Грохочет ливневый поток.*

*Такая лава, мощь такая,
Такая майская гроза!
О как в окно моё сверкают
Её безумные глаза!*

*Она на острова к японцам
Уйдёт, забрезжит день едва.
И – как рванёт навстречу солнцу
Дождём прибитая трава!..*

Только дурак, тот самый «русский дурак», синеморе-по-колелю-переходящий, может радоваться и восторгаться «бездны мрачной на краю». Ему-то, дураку, Бог и подстилает соломки. Ибо написано: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (Исайя, 29.14). «Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 1. 24).

В стихотворении «Два дурака»:

*Сам себе, почти вдогонку,
Так скажу и врать не стану:
Пьяным быть, удрав от жёнки,
Лучше, чем казаться пьяным.
[...]
Влез в ушко – и стал красивым,
Царством сказочным владея...
Стать богатым и счастливым
Я мечтать – и то не смею...*

А если о том же – спокойно и размеренно – как со-зерцать медленно текущую воду:

*Волнуем воздух умными словами,
весь мир живой назвав по именам,
но суть вещей, непонятая нами,
не очень-то спешит открыться нам...*

Некрасовский «Поэт и гражданин»: «Спаситель Пушкин! – Вот страница: / Прочти и перестань корить!» Своевольно заменим Пушкина Тютчевым: «Невозмутимый строй во всём, / Согласье полное в природе. / Лишь в нашей призрачной свободе / Разлад мы с нею сознаём. / Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поёт, что море? / И ропщет мыслящий тростник...»

И вот здесь назревает «концептуальный разлад» и с самим Тютчевым, и с классической «виолончельностью» русской поэзии. Поскольку –

*Не для души ничьей и не для тела,
А просто так, не ведая зачем,
Река от сотворенья песню пела
И лес шумел листвою своих поэм.
[...]*

*И прорывалось странными речами
Грядущее из прошлой тишины,
И голоса неясные звучали
Из чёрной океанской глубины.
[...]*

*Чтоб звук из глубины и слово свыше
На кратком нашем, на земном пути
Кому-то посчастливилось услышать
И на родной язык перевести.*

Эсхатология, как видим, здесь не предусматривается: конец света не предвидится, скорее – некий «конец тьмы». И вот за это читатель может быть благодарен отнюдь не безоглядному оптимизму Владимира Тыцких. Так что спите спокойно. Покуда гром не грянет. Покуда мужик не перекрестится. Покуда живо в нас ощущение, что мы так

*...горько виноваты,
Навеки обманувшись в том,
Что всё долюбится когда-то
И всё доскажется потом.*

Юрий КАБАНКОВ
/24 (11) мая 2009 г.,
святых и равноапостольных братьев
Кирилла и Мефодия/

РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ

Нина ПОЛУПОЛТИННЫХ,
г. Артём,
Приморский край

БУКВЫ

Артёмке два с половиной года, он хорошо говорит для своего возраста, очень любит рисовать, знает буквы и «читает» сказки по картинкам.

– Смотри-ка, – удивляются взрослые, – он и страничку перелистывает в нужное время, как будто и впрямь читает!

– Тёма, напиши букву «М», – просит мама, подавая ему «Волшебный экран», на котором он постоянно рисует домик с куриными ножками, поразивший его однажды в парке «Антошка». Каждый раз, рисуя твёрдой рукой новый домик, Тёма обязательно, кроме куриных ножек, добавляет лесенку и трубу, а по бокам рисует хоровод кружочков.

– Это брёвнышки, – объясняет Тёма с перекатным звуком «р», который стал произносить ещё в два года.

– Тёма, хватит тебе домики рисовать, давай буквы писать, – просит папа. Тёма быстро стирает с экрана очередной домик и начинает рисовать буквы.

– Это буква «папа», – рисует он «П», – а это буква «мама», – поясняет он, нарисовав «М».

– А где буква «А»? Ты умеешь её рисовать?

Тёма охотно рисует «А», но тут же всё стирает и начинает рисовать очередной домик для Бабки Ёжки.

Однажды Тёма попросил бумагу, фломастеры и уселся на диван за журнальный столик рисовать очередные «шедевры», как говорила бабушка, которая тут же уселась на полу раскрашивать новогодний плакат для ясельной группы детского сада, куда ходил Артёмка.

– Только фломастеры не забывай закрывать, – напонила бабушка, – а то высохнут и не будут рисовать.

– Ладно, – говорил Тёма, закрывая ненужный в данный момент фломастер и открывая новый. Убеждённая, что двух больших листов внуку вполне хватит, бабушка увлеклась раскрашиванием плаката, прислушиваясь, как внук шёпотом поясняет свой рисунок, иногда вскакивая и издавая восторженные вопли по поводу своих достижений. Бабушка даже не обратила внимание, что внук переполз через кресло и стоит уже возле холодильника.

– Что он наделал! – воскликнул шокированный отец.

Бабушка подняла голову от плаката. Тёма восторженно прыгал возле холодильника, увлечённо разрисовывая его бока. Прибывшая на шум мать ахнула:

– Что же ты наделал?

И журнальный столик, и новый бабушкин диван с креслом были разрисованы чёрным фломастером. Почувствовав что-то неладное, Тёма застыл в недоумении: ведь он так старался! Родители поступили мудро:

– Мы тебя не ругаем, – говорила мать, оттирая чёрные полосы спиртом, – но дай слово, что будешь рисовать только на бумаге.

Видя, с каким упорством вся семья смыкает его художества, Тёма притих и только помогал маме отыскивать новые каракули.

– А на холодильнике оставим буквы, – сказал папа. – Для истории.

Теперь все гости могли прочитать большие буквы, написанные Тёмой на дверце холодильника.

– Смотри-ка, сначала «ПА» написал, а потом «МА».

– ПАМА, – прочитала бабушка.

– «П» – это ПАПА, «А» – это АРТЁМ, «М» – это МАМА, – пояснил ребёнок.

– А вторая буква «А»?

– Это другой АРТЁМ.

– А-а-а, наверное, это наш город Артём? – догадался папа.

– Да! – ответил малыш.

КОСОЛАПАЯ БУКВА

Когда мой полуторагодовалый внук потянулся за ножничками с криками: «Дай!» и «Сам!», – я уступила ему, показав, как правильно их взять, контролируя каждое его движение. Я знала, как важно поддержать интерес ребёнка вовремя.

Помню, как испугалась я однажды, увидев в одной из больничных палат сидящего в закрытой детской кроватке двухлетнего малыша, смело орудующего маленькими маникюрными ножничками (а кончики у них достаточно остры и тонки), среди вороха изрезанной бумаги.

– Ну и что такого? – недоумённо произнесла появившаяся с грудничком на руках молодая мамаша, когда я ринулась отобрать у ребёнка острые ножнички.

– А если порежется, а рядом никого нет?

– Да он с полутора лет режет, не порежется, – спокойно заявила нерадивая мамаша.

Давая впервые ножнички внуку, я тщательно контролировала каждое его движение, обучая правильно ими пользоваться: резать только от себя и держать подальше от пальчиков, держащих бумагу. За полгода он изрезал кучу ненужной бумаги. Иногда из беспорядочной резьбы появлялся клочок, напоминающий какую-то знакомую форму.

– Смотри, баба. Дяденька!

– А где же у него голова? (показывает).

– А где ножки? – и тут я и сама вижу дяденьку с выставленной в сторону ногой. Мы рисуем ему глазки, волосики, ушки. И этот «шедевр» занимает достойное место среди других подобных экспонатов.

Когда Тёма узнал буквы, он стал складывать их из обрывков бумаги. Однажды он увлёкся вырезыванием картинок. Его ножнички теперь бегали по бумаге зигзагами, и это его забавляло. Вырезав очередную картинку, он откладывал её в сторону, чтобы потом приклеить в самодельную книжечку.

– Смотри, баба, буква «П»!

Я уставилась на клочок бумаги с вырезанным отверстием, слегка закруглённым книзу.

– Что-то не очень-то похоже, – засомневалась я, – буква «П» смотри, какая прямая.

– А это косолапая буква, – заявил внук.

Я удивилась его находчивости и спрятала этот клочок в книгу, которую читала. Теперь у меня есть необычная закладка, на которой написано: «Вырезал Тёма, 2,5 года. Косолапая буква «П».

ПОРТ АМАМАПАРЕ

*Навигационное описание, погрузка медного концентрата.
История освоения месторождения "Ertsberg"*

Юрий ПАНЧЕНКО,
г. Владивосток

ЗАМЕРЫ И РАСЧЁТЫ

Погрузочный комплекс (транспортёр с питателем) и терминал для просушки медного концентрата находятся примерно в 15 милях от приёмного буя на острове по правому берегу реки ТИРОЕКА, причал на сваях длиной 310 метров. Площадка для терминала сделана по следующей технологии: первоначально на оригинальный грунт уложен плотный слой толстых тропических деревьев, затем сверху намыт слой песка высотой 15 foot (1 фут = 30.48 см); по периметру и внутри для укрепления конструкции сооружения забиты в грунт стальные трубы диаметром 16 дюймов (1 дюйм = 2.54 см) на глубину 80 футов.

Приёмный буй находится в координатах: широта – 04-55.1 S, долгота – 136-40.9 E, глубина 30 метров, карта ГУ № 40325, индонезийская карта № 368 (обе одного масштаба); глубина фарватера 4.3 метра + величина прилива (от 1.4 до 2.7 метров), минимальная глубина за последние 50 лет оставалась неизменной, бар с этими глубинами в районе буёв № 3 и № 5. Буи с №1 по №7 плавучие, остальные в виде шестов – круглых труб с проблесковыми огнями, положение створных знаков на первом, втором и третьем коленах фарватера не соответствовали действительности согласно плану-рисунку, по которому осуществлялась лоцманская проводка.

Местный лоцман SAID SALIM без государственной лицензии работает уже много лет. Ему помогал Port Captain ANDI S.WAWO из Джакарты, который координировал вопросы погрузки у причала и на рейде. В районе причала находится разворотный бассейн, при швартовке используются два буксира: один – 3500 hp, второй – 1000 hp. Судно ставят носом на выход (по течению реки, которое незначительно, не более одного узла), швартовые концы заводятся с бака и кормы – три продольных и два шпринга – с учётом перетяжки судна вдоль причала во время погрузки, так как транспортёр с питателем на причале смонтированы стационарно, эту работу выполняет экипаж. Скорость погрузки около 1200 тонн в час, на период дождя погрузка прерывается. Июль – самый холодный месяц (ночью + 20 градусов Цельсия) и самый дождливый, за период стоянки дождь шёл каждую ночь.

Судно грузится до осадки не более шести метров, в зависимости от величины прилива (мы погрузили 12588 т медного концентрата до осадки 5,9 м нос и 5,8 м корма). По отчётам капитанов судов, ранее грузившихся, имеющийся под килем запас равен 80 см, фрахтователи (компания «Furness Withny-Australia- Pty Ltd») рекомендовали иметь запас под килем 50 см, однако из «Files» компании «A.P. MOLLER-MAERSK» рекомендуется запас под килем один метр глубины. Соленость воды в реке 1,017 промили. Грузились с учётом выхода на рейд 8 июля (высота прилива – 2.1 метра), на баре солёность воды 1,025 промили, глубина на баре с учётом прилива – 6,4 м, поэтому на внешний рейд выходили в два этапа: после окончания погрузки 6 июля вышли в район буя № 12 (якорное место для судов с опасным грузом, глубина 10 метров), стали на якорь (три смывки в воду) в ожидании максимального прилива на баре реки, кратчайшее расстояние до берега было 3 кабельтовых.

НА РЕЙДЕ

Восьмого июля вышли на внешний рейд для догрузки (бар проходили в полдень, на расстоянии двух кабельтовых винт вымывал чёрный ил, эхолот стабильно отбивал глубину 50 см, шли самым малым ходом, нагрузка главного двигателя была в норме); якорь отдали в районе приёмного буя: Ш – 04-56.6 S, Д – 136-40.0

Е на глубине 39 метров, 7 смывок в воде. Грунт и ил якорь держал хорошо.

Погрузка медного концентрата на рейде с полудня 9 июля производилась из самоходных барж «AIKWA», «OTOMONA», «KA-MORA», построенных в Сингапуре с двумя двигателями класса A1, двухвинтовые, грузоподъемность до 3500 тонн, на каждой по два надувных кранца типа «YOKONAMA», что позволяло производить грузовые операции при зыби до двух метров, имели отличные пропиленовые швартовные концы, люковое закрытие – механическое (цепной привод), на зыби при закрытии трюма возникли некоторые проблемы, экипаж из шести человек (один из службы безопасности и контроля) зарплата у капитана и старшего механика по 2500 usd, они – граждане Сингапура, матросы – индонезийцы – с зарплатой 300 usd.

Грейферы для погрузки на рейде фрахтователи доставили из Австралии, медный концентрат отгружается через весы, количество в документах по заявлению отправителя, во время погрузки связь с погрузочным контрольным комплексом на 9 канале УКВ, позывной – AMPRE OFFICE – вызов на 16 канале УКВ. Copper concentrate: flow moisture – 11.4 %, transportable moisture limit – 10.3 % (фактически при погрузке влажность была – 8.02 %), stowage factor – 0.31 to 0.56 куб.м / тонн. Angle of Repose – 40.0 гр. (угол естественного откоса).

Отгрузку вела компания «P.T. ALATAIF P and O Port development Company» – руководил DIRK BOSMAN – Manager marine and logistic (американец).

На терминале всего 300 рабочих и служащих с семьями, есть школа, магазин, бар. Грузоотправители «P.T. Freeport Indonesia» (Affiliate of Freeport – Mc Moran copper and gold) – главная контора в порту CAIRNS (Queensland, Australia), владелец с индонезийской стороны (20%) – Bambang SUKHARTO (сын президента).

Измельчённая руда – пульпа – SLURRY FORM – подаётся самооттеком по трубам (12-inch pipeline) с высоты 1200 метров, где расположена обогатительная фабрика. Разработка месторождения медной руды (ERTSBTRG) ведётся на высоте 3352м. (at 11000 feet elevation «Freeport's mines and tram area»), в ясную погоду можно наблюдать с 50 миль.

В ПОСЁЛКЕ

В посёлке Tembagapura (Coppertown), расположенном на высоте 1200 метров, с 1972 года проживают рабочие и служащие с семьями (контрактники), граждане Австралии, США, Сингапура и Индонезии (из Джакарты). Всего около 15 тысяч человек. Посёлок не связан грунтовой дорогой с терминалом (до него расстояние 40 км), поэтому используются полноприводные автомашины, которые доставляют продукты из Австралии.

Сфера обслуживания на очень высоком уровне. Для аборигенов близлежащих деревень медицинская помощь бесплатная, хотя они к добыче руды не имеют никакого отношения. Максимум, на что способны аборигены – это помощь механизаторам в смазке и протирке техники или в выполнении хозяйственных работ на улицах посёлка.

ПОГРУЗКА

Погрузка на внешнем рейде продолжалась трое суток, закончили в полдень 12 июля. Всего в Амамапаре погрузили 21740 тонн медного концентрата назначением на порты ARATU (Бразилия) и HUELVA (Испания) в трюма №№ 1,2,4,5; трюм № 3 был оставлен пустым для погрузки цинкового концентрата в порту

Таунсвилл (Квинсленд, Австралия) не менее десяти тысяч тонн для выгрузки в порту Порто – Весме (остров Сардиния, Италия); для обеспечения продольной прочности судна в подвесные танки № 3 был принят балласт; осадка на отход из Амамапаре – 7.7 м нос и 8.6 м корма.

В связи с тем, что теплоход «Ангара» был 500-м судном с начала первой отгрузки десяти тысяч тонн медного концентрата в декабре 1972 года на Японию и первым судном под флагом России, вечером 4 июля в гостевом доме состоялось официальное торжество с докладом, показом фильмов и фуршетом. За восемь лет, с декабря 1972 года по декабрь 1980 года, добыто 23 миллиона short tons руды, из которой получено 521 тысяча тонн меди, 6 миллионов унций серебра (одна унция = 28.3495 граммов и 436 тысяч унций золота). Эти металлы были проданы за 772 миллиона американских долларов, цена за один фунт меди (один фунт = 0.4536 кг) в 1979 году составляла один доллар США.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Подробно история открытия и освоения одного из богатейших месторождений медной руды с компонентами серебра и золота «ERTSBERG» на западной части острова Новая Гвинея (бывшая колония Нидерландов, носившая название Netherland East Indies – West Irian, Irian Barat – с 1973 года Irian JAYA – уже как провинция Индонезии) описана в книге «The Conquest of Copper Mountain».

Автор книги – американский геолог Forbes Wilson – исследователь месторождения в 1960 году и первый президент компании «Freeport Indonesia inc.» Книга издана в Нью-Йорке в 1981 году, была подарена мне на юбилейном вечере, все факты и цифры в этой статье взяты мною из этой книги и также из бесед с представителями грузоотправителей, стивидоров и администрации.

Самая высокая вершина острова – снежный пик CARSTENSZ – 16504 фута высотой. Её увидел в ясную погоду в 1623 году Jan Carstensz, голландский мореплаватель и эта вершина названа в его честь.

Первая серьёзная экспедиция с целью исследовать гористую местность в этом районе была организована в 1912 году, руководил которой A.F.R. WOLLASTON. Состав экспедиции насчитывал 226 человек, для чего потребовалось 17 тонн риса, 100 фунтов чая, 1200 фунтов сахара. Исследование в основном коснулось изучения флоры и фауны, этнических групп населения; на высокогорье они встретили пигмеев (pigmoid irianese), на ледниковую вершину пика никто не смог подняться.

Коренного населения в западной части острова примерно один миллион человек под общим названием Primitives Papuans, now called Irianese, делятся на 150 раз – личных племён (Tribes), говорят на разных диалектах, между собой не общаются, часто враждуют между собой, известны случаи каннибализма.

«Some tribes in the mountains have never seen a white man and live in a virtual Stone Age existence. A few of them still practice headhunting and cannibalism. Four Dutch families were killed and eaten by inhabitants of a mountain village as recently as 1974 year».

По информации представителя агентской компании «Barwil» Andi S. Wawo, среди аборигенов есть много недовольных присутствием индонезийских войск, есть случаи нападения вооружённых групп на посты армейских воинских гарнизонов, которые стоят вдоль дорог через каждые 10 километров.

Культовым животным среди всех племён является свинья, за жену обычно при заключении брака отдают четыре свиньи, можно иногда видеть женщину, которая одной грудью кормит ребёнка, а второй поросёнка.

Для передвижения по рекам и ловли рыбы аборигены используют канюэ (сапое), которые выдалбливаются из деревьев – 30 дюймов в диаметре и длиной от 20 до 50 футов, толщина бортов около 1 дюйма, днище – 2 дюйма.

Месторождение открыто в 1936 году тремя голландскими геологами: Jean Jacques DOZY, Franz Wissel, A.J. Colijn, ими были взяты и доставлены образцы медной руды для лабораторных исследований, которые дали результаты содержания меди в рудном кон-

центрате около 3.5 % (многие коммерческие предприятия в мире работают на руде, содержащей 1 % меди).

Решение промышленной разработки этого богатейшего месторождения задержалось на длительное время по причине вскоре начавшейся Второй мировой войны (территория была оккупирована японскими войсками, затем война за независимость Индонезии, решение статуса Western New Guinea на уровне ООН).

В 1960 году экспедиция, которую возглавлял американский геолог Forbes Wilson, более тщательно произвела исследование месторождения, тем самым подтвердила промышленные запасы медной руды.

«The Ertsberg proved to be the world's largest above-ground outcrop copper ore».

Индонезия получила независимость в 1949 году, президентом страны избрали доктора Сукарно; территория Западной Новой Гвинеи, население которой ни этнически, ни языковой принадлежностью к Индонезии не относилось, осталась колонией Голландии под управлением ООН. В 1957 году Индонезия начала военные действия и оккупировала территорию. Под давлением мировой общественности и ООН Голландия подтвердила в 1962 г. передачу Western New Guinea под эгидой ООН Индонезии – в течение одного года. С 1963 года территория Западной Новой Гвинеи стала провинцией Индонезии и с 1973 года получила название IRIAN JAYA. Президент Сукарно национализировал все иностранные инвестированные проекты и промыслы. Новое законодательство не позволяло экономически выгодно для иностранцев делать вложения в развитие экономики Индонезии.

В результате военного переворота в 1967 году Сукарно был смещён с поста президента и взят под домашний арест. Он умер в 1970 году. Новый президент Сухарто вскоре изменил экономическую политику страны, дал возможности развития иностранным инвестициям в разработку природных ресурсов всех провинций Индонезии.

Интенсивные переговоры по всем параметрам соглашения о промышленной разработке месторождения велись весь 1966 год. Соглашение было одобрено и подписано правительством Индонезии 4 апреля 1967 года.

Все подготовительные работы, строительство дороги, посёлка, обогатительной фабрики, погрузочного комплекса закончили в конце 1972 г., когда в декабре была осуществлена первая отгрузка на Японию 10 тысяч тонн медного концентрата.

Строительство всего комплекса осуществляла компания «Bechtel-Pomero» из Калифорнии, США; общие затраты составили 120 миллионов долларов.

С 1980 года начата разработка месторождения «Ertsberg East» и добыча медной руды из подземных шахт.

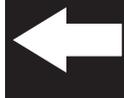
Отношения коренного населения к разработке месторождения до 1977 года было в большей степени негативным, случались повреждения трубопровода и линий электропередач, были разбойные нападения на дороге. Администрация компании целенаправленно проводит политику социальной поддержки коренного населения: предоставление рабочих мест в сфере обслуживания на шахтах и обогатительной фабрике, оказывание материальной помощи населению прилегающих деревень, медицинской помощи, обучение детей грамоте и т.п.

Все мероприятия проводятся совместно с индонезийской провинциальной администрацией, которая оказывает всестороннюю поддержку компании. В настоящее время около 200 человек из деревень Tsinga и Wa трудятся на шахтах, фабрике и непосредственно в посёлке; представители почти 20 деревень работают на портовом терминале (около 100 человек). Эти меры способствуют установлению хороших отношений с местными кланами и старшинами близлежащих деревень.

В настоящее время фарватер реки Тироэка до причала погрузочного комплекса остаётся неизменным как по глубине, так и по ограждению навигационными знаками. Вся информация по порту Амамапаре в Guide to PORT Entry (A – K) изложена на страницах 1118 – 1120 (текст) и страницах P835 – P836 (планы) и основана исключительно на рапортах капитанов (с 1993-го по 1998-й годы).

На снимке (слева направо): Сергей Дмитриевич Барабаш, Вера Яковлевна Гундарева, Эльвира Васильевна Кочеткова, Владимир Михайлович Тыцких, Юрий Николаевич Кабанков.

Нина НАЗАРЕНКО. Мастер-класс игры на аккордеоне.

Вечером 1 июня автопробег, посвящённый Дням славянской письменности и культуры, прибыл в город Арсеньев.

Официальные мероприятия прошли на следующий день: на пресс-конференции в арсеньевском городском музее участники автопробега ответили на вопросы городских СМИ (в том числе – школьных). А чуть позже в ДК «Прогресс» прошла творческая встреча с работниками культурных учреждений Арсеньева и местными литераторами.

На снимке (слева направо): Сергей Кузнецов, Эльвира Кочеткова, Юрий Николаевич Кабанков, Сергей Барабаш, Владимир Костылев. В нижнем ряду: Владимир Тыцких, Виктор Костин, Владимир Листровой.

Автопробег - 2009

Юрий КАБАНКОВ читает свои стихи

О неофициальных встречах участников автопробега в Арсеньеве рассказать сейчас не представляется возможным – просто потому, что невозможно в короткой газетной заметке передать всеобщее воодушевление, теплоту взглядов, искренность улыбок, дружеский, доброжелательный настрой.

Мы встретимся снова. И не очень важно – в рамках автопробега или какого-то другого творческого мероприятия; спустя неделю, месяц или через год. Мы всегда ждём наших друзей. И значит – мы обязательно встретимся!

В. Костылев.

КНИЖНАЯ ГАВАНЬ

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

В послепасхальные дни в городе Санкт-Петербурге открылась и успешно прошла в павильонах «Ленэкспо» IV выставка-ярмарка «Санкт-Петербургский международный книжный салон». На неё съехались почти три сотни издательств, книготорговых фирм, предприятий, культурных фондов из тринадцати стран.

Открыла книжный салон губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. Она напомнила, что в Гостином дворе в Петербурге в 1774 году открылась первая казённая книжная лавка. Также губернатор сказала, что ставший уже доброй традицией международный книжный салон в этом году проходит под знаком 200-летнего юбилея Николая Васильевича Гоголя. Юбилей великого русского писателя объединяет любителей литературы из разных стран мира, это настоящий праздник книги для всех, кто не представляет свою жизнь без печатного слова. Выставка-ярмарка станет одним из важных событий Года молодёжи.

Упомянула она в своём выступлении и о том, что традиционно в выставке принимают участие зарубежные гости, и особенно важными для IV Международного книжного салона станут мероприятия, посвящённые начавшемуся году Болгарии в России.

Аплодисментами были встречены её слова о том, что высокая книжная культура – гордость Северной столицы и что издательская отрасль Санкт-Петербурга активно развивается и совершенствуется.

Валентина Матвиенко пожелала всем участникам Международного книжного салона ярких впечатлений, интересных встреч и успеха во всех делах и начинаниях.

Зачитали приветствие Президента Российского книжного союза Сергея Степашина, в котором было сказано, что крупнейшие издательства Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Челябинска, Хабаровска, Ростова, Читы и других городов России который год демонстрируют широкий спектр новых книжных наименований, неизменно привлекающих внимание читателей. В непростое время важно расширить свой профессиональный и общекультурный кругозор, не стоять на месте, не позволять даже самым неблагоприятным обстоятельствам одерживать верх над извечным стремлением человека к накоплению интеллектуального и духовного богатства. Именно внутренним богатством каждой отдельной личности приращивается культурный и нравственный потенциал страны.

Председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадим Тюльпанов подчеркнул в своём выступлении, что находить талантливых авторов, давать печатное место литературной молодёжи – хорошая традиция книжного салона. Большая заслуга ярмарки – её внимание к литературной провинции.

Председатель Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации правительства Санкт-Петербурга Юрий Зинчук довел до любителей чтения информацию, что в прошлом году Санкт-Петербург был представлен на четырёх международных книжных форумах: в Варшаве, Лейпциге, Санкт-Петербурге и Москве. Достоинство представить Северную столицу помогло участие в выставках делегации, состоящей из известных петербургских литераторов, издателей, книжных иллюстраторов, библиографов. На ярмарках экспонировались издания, вышедшие с поддержкой органов исполнительной власти Санкт-Петербурга, книги о Санкт-Петербурге, его истории и культуре, художественные, учебные, научные книги петербургских издательств.

Известный российский писатель Даниил Гранин сказал, что книга никогда не уходила из нашей жизни. Российская книжная культура многие годы была образцом безупречного вкуса, гуманистических взглядов. И надо приложить все усилия к тому, чтобы вернуть ей этот статус. Для этого у писателей и издателей есть всё: профессионализм, талант, энтузиазм и поддержка единомышленников.

За четыре дня на выставке прошло 240 мероприятий. Конференц-залы были забиты до отказа. В первый день объявили лауреатов 18-го конкурса «Лучшая книга года», где лучших выбирают издатели. 17 номинаций; в первой – «Лучшая книга о Петербурге» – победил фотограф, журналист Сергей Компанийченко и его «Петербург через столетия».

Во второй – «Лучшая книга о Российской армии и флоте» – книга «Повседневная жизнь русского офицера 1812 года». Также лауреатом конкурса признали издательство «Военная книга», Диплом Ассоциации книгоиздателей вручили заместителю начальника книжно-журнального издательства «Граница» полковнику Владимиру Морихину.

На этом же мероприятии генеральный директор Генеральной дирекции Московской международной книжной выставки-ярмарки Николай Овсянников вручил начальнику КЖИ «Граница» ФСБ России полковнику Александру Калиниченко диплом Ассоциации книгоиздателей России за большой вклад в развитие книгоиздания по военно-патриотической тематике, выпуск актуальных фотоальбомов «Граница России» и «Герои России – пограничники».

В России еженедельно выходят сотни книг. Трудно представить, изданий какого направления не хватает. Процветает приключенческая литература, много мемуаров, фантастики, выходят прекрасные альбомы с репродукциями картин, энциклопедии, словари. Сегодняшнего любителя книг удивить чем-то трудно. Но фолианты под названием «Граница России» и «Герои России – пограничники» – события без оговорок. Издания эти полезны и необходимы не только пограничникам, но и самому широкому кругу читателей.

Николай Овсянников сказал присутствующим, что в 2006 году КЖИ «Граница» удостоена благодарности Президента Российской Федерации «За большой вклад в развитие отечественной журналистики и военно-патриотическое воспитание граждан», а в 2007 году – почётного знака «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве Российской Федерации».

В соседнем конференц-зале самые благодарные читатели – дети. В этот день подводили итоги фестиваля «Равные права – равные возможности». Книжный салон выделил им одно из лучших помещений и очень достойные подарки.

23 апреля – День молодёжи и книги. Он открылся театрализованным представлением, посвящённым Николаю Васильевичу Гоголю. В то же время в течение часа молодым людям, пришедшим на выставку, дарили произведения классиков.

По словам организаторов, Петербургский книжный салон всегда был и остаётся семейным праздником, поэтому здесь много детских стенов, встреч с детскими писателями.

25 апреля объявили детским днём, перед ребятами выступали артисты, а Книжный кот провёл конкурс рисованных историй и вопросов о книге и чтении. Исполнитель роли Никиты в сериале «Кто в доме хозяин» Андрей Носков представил игру «Читаем вместе с Никитой».

Много посетителей было на встрече с известным журналистом Александром Невзоровым, писателем Андреем Кивиновым, сатириком Семёном Альтовым, на «ура» прошла презентация книги «Вася Тёркин? Кто такой?» (авторы-составители военный журналист, писатель и поэт капитан 2 ранга Олег Шеблыкин и подполковник в отставке, корреспондент региональной пограничной газеты «Пограничник» Николай Махнёв.) Эта книга посвящена 70-летию со дня создания в газете «На страже Родины» образа легендарного литературного героя и 100-летию русского поэта Александра Твардовского. По словам Николая Махнева, «Василий Теркин» – это уже не только поэзия. Это великий эпос о русском воине и одновременно весь срез русской жизни. После «Евгения Онегина» Пушкина такой русский образ никто из поэтов не создал.

На стенде редакции газеты «На страже Родины» писатель Геннадий Мурашев представил свои книги «Мелодии моего поколения», «Титулы и звания, награды», «Офицерские жены», роман «Летчики»,

поэт Сергей Скаченков – сборники стихов «Черемуховый май», «Снег летит за окном чистый, чистый...».

Большой наплыв публики ожидался на творческих вечерах с поэтом-песенником Ларисой Рубальской и Янушем Леоном Вишневым, который представил свою первую детскую книгу «Марцелинка».

На литературно-музыкальной встрече «Город над вольной Невой. Стихи и песни» посетители выставки подпевали профессиональным исполнителям.

Успешно прошли автограф-сессии с писателями Дмитрием Вересовым, Леонидом Юзефовичем, автором российских бестселлеров в стиле фэнтези Марией Семёновой (роман «Волкодав»), Феликсом Разумовским, Давидом Фонкиносом и Кари Хоткайненом, которых называют новыми звёздами литературы.

Во Всемирный день книги на стенде Российского книжного союза стартовала акция Издательства «Эксмо» и Российского книжного союза «Буккроссинг: превратим весь мир в библиотеку». Движение «Буккроссинг» – процесс «освобождения!» книг от книжных полок и отпускация их в свободный поиск своего читателя – зародилось недавно благодаря идеи специалиста по Интернет-технологиям Рона Хорнбекера. Теперь оно стремительно завоевывает как страны, так и сердца читателей. Конечно, интерес, в первую очередь, к движению проявляет молодежь, что чрезвычайно важно в период снижения интереса к чтению среди молодежи. В России движение то активизируется благодаря молодому напору его участников, то утихает. Год молодежи, Всемирный день книги и выставка-ярмарка в Санкт-Петербурге явились прекрасным поводом для того, чтобы был дан старт новому витку этого прогрессивного движения. На стенде Российского книжного союза сформировали собрание книг, которые, по мнению участников акции, должна прочесть молодежь. Основу книжной коллекции составляют книги Издательства «Эксмо», которое совместно с Культурным Центром Высшей школы экономики уже реализует схожий проект «Открытая читальня» в Москве.

Много военных пришли на встречу с автором книг по истории флота Иваном Черниковым и председателем Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, известным петербургским поэтом, капитаном 1 ранга запаса Борисом Орловым. Автор двенадцати стихотворных сборников, лауреат литературных премий «Золотой кортик» имени Константина Симонова и Валентина Пикуля.

Стихи флотского поэта, несмотря на трагизм, всегда несут свет и надежду на любовь:

*Останутся в прошлом походы и споры,
Нахлынет вселенская грусть.
Творец призывает на небесные сборы –
При полном параде явлюсь.
Служил – не позорил ни чести, ни флота,
Но реквием бьет через край.
Я кортиком лично открою ворота,
Ведущие с палубы в рай.
Творца не смутит строевая походка –
Он примет мой краткий рапорт.
В эмалевых водах качнется подлодка
На знаке «За дальний поход».*

Его стихи – пример настоящей поэзии. Меня потрясли тютчевской глубиной стихи Бориса Орлова, опубликованные в журнале «Северная Аврора», размещенном на стенде «Книжная лавка писателей»:

*Увязли мы в проселочной пыли,
Столкнулись ветры на дороге лбами.
Нам мертвые дорогу перешли
И встали пограничными столбами....*

Несколько слов о журнале «Северная Аврора», который редактирует Евгений Лукин. Этот журнал показателен в своей целостности и внутренней солидарности авторов в отстаивании своих жизненных ценностей.

В «Северной Авроре» была опубликована повесть Евгения Лукина «Танки на Москву». Евгений Лукин – офицер ФСБ, поэт, прозаик, переводчик. Автор книг « По небу полуночи ангел летел», «Пространство русского духа», «Философия капитана Лебядкина», в 2006 году за роман « По небу полуночи ангел летел» ему была присуждена литературная премия имени Н.В.Гоголя. Евгений Лукин – член Союза писателей России, участник боевых действий на Кавказе.

Награжден медалью ордена с крестами «За заслуги перед Отечеством» 2 степени.

О Чечне написано много. Много страшилок, много неправды и выдумок. На мой взгляд, правдиво пишут Александр Проханов, Захар Прилепин, Аркадий Бабченко, Александр Карасев, Евгений Лукин. Эти писатели психологически точны, в деталях пунктуальны, у них чистый литературный язык. Романы Александра Проханова «Чеченский блюз», «Идущие в ночи», роман Захара Прилепина «Патологии», «Чеченские рассказы» Александра Карасева, «Танки на Москву» Евгения Лукина на выставке спрашивала современная аудитория, не отупевшая после двадцатилетнего потребления «Пепси».

Я не читал ничего более жесткого об этой войне, но и ничего более скупого, по-мужски сдержанного отношения к смерти, подвигам и страданиям, чем пишут эти авторы. Повесть Евгения Лукина «Танки на Москву» – это нечто большее, чем просто литература. Это – свидетельство. Автор и его герой, выжившие на войне, свидетельствуют о подлинной реальности войны – реальности жизни, духа наших офицеров и солдат. «Танки на Москву» – произведение, имеющее самое прямое отношение к русской традиции: смертию смерть поправ. Очень хотелось бы, чтобы молодое поколение, особенно те, кто носит на плечах погоны, прочли эту повесть...

Не берусь судить, какое место займет лет через двадцать в русской литературе и в сознании читателей проза и поэзия Евгения Лукина, поэзия Бориса Орлова. Хотя надеюсь, что после неминуемого обвала беллетристической пены место будет весьма достойное и заметное.

Есть на стендах и литература для тех, кто считает себя православным. На мой взгляд, очень своевременно переиздали книгу протоиерея Митрофана Серебрянского «Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке». Каждая страница книги выявляет не только умного и литературно одаренного человека, но и преданного служителя Богу, способного перенести все тяготы военных дорог для утешения раненых, вдохновляющего молебна перед сражением, отпевания погибших. Описания боевых действий – по рассказам вернувшихся с передовой офицеров и солдат, точны и детальны. Вот только один образ русского солдата: «Рядом со мной едет вахмистр Жучин. Это положительный герой. Во время боя под городом Инкоу он ранен навзлет: пуля прошла в спину около правой лопатки и вышла через правую руку немного выше локтя. Он не пожелал лечиться на носилки, остался в строю. Конечно, страдает. Но спокойно говорит мне: «Батюшка, теперь я вполне счастлив: выполнил присягу и пролил кровь за царя и Отечество». Не правда ли, хорош портрет русского солдата?

«Живой в помощи» Виктора Николаева – это несомненно православная проза. Герой Николаева прошел Афганистан и из ветхого человека стал обновленным.

Не хочется обижать писательниц, которые издаются в серии «Детектив глазами женщин», но их произведения не вызвали у меня восторга. Все книги похожи друг на друга: скроены по одному шаблону, с одинаковыми финалами. Исключения составляют книги А. Марининой, автора милицейских романов, которая сама служила в милиции.

Самые читаемые – М.Серова, Т.Полякова, П.Дашкова. Серова до того, как стать писательницей трудилась в прокуратуре. Ее главная героиня – частный детектив Татьяна Иванова. Она умна, стреляет с двух рук, может драться как боец спецназа и... обожает секс с незнакомыми мужчинами. В субботу с Сашей, в воскресенье с Олегом и так далее.

Количество трупов в одной главе у Поляковой во много раз превышает число смертей в самых крутых мужских детективах. В детективе «Что хочет женщина» главная героиня Лада, кроме мужа, живет со старым евреем Аркашей, молодым автослесарем Димой и самым любимым мужчиной по кличке Лом. Он периодически избивает Ладу ремнем, она ползает по квартире и, как ни странно, ей это нравится. По утверждению Лады, вся ее жизнь – «роман с деньгами». Она и ее подруга Таня все время проводят в ресторанах, а дома голодает ребенок, страдающий болезнью Дауна. В детективе нет ни одного положительного персонажа. Одни моральные уроды, к которым автор относится с некоторой долей симпатии.

У Дашковой в книге «Образ врага» есть положительные герои. Но кто они? Агент американской секретной службы Деннис, руководи-

тель израильской секретной лаборатории по разработке биологического оружия, эмигрант из СССР Натан Бренер и дизайнер Алиса, которая в Советском Союзе прозябала в нищете, ее шантажировали сотрудники КГБ, а сейчас она зарабатывает тысячи долларов и путешествует по миру. А отрицательные – писатель-националист, отставной полковник ФСБ. Мораль произведений Дашковой: «заколагивание» долларов лучше, чем демонстрация под красными флагами.

Поэт Владимир Тыцких был прав, когда утверждал, что именно с таких вроде бы безобидных графоманских книжек и начинается деградация личности и вкус к настоящей литературе притупляется. Не секрет, что спонсоров сегодня чаще всего находят дилетанты, потому что они попробовнее талантливых писателей и поэтов, да и творчество графоманов соответствует культурному уровню современных меценатов. Так происходит насыщение культурного рынка псевдолитературой, а это уже подрывает авторитет великой русской литературы в мировом культурном пространстве.

На второй день выставки книжного салона показали фильм-мюзикл по пьесе Гоголя «Ревизор». По понятным причинам отдали должное Николаю Васильевичу Гоголю, обсудили его взаимоотношения с Белинским, все четыре дня «круглые столы» чередовались с семинарами, театрализованными представлениями и концертными программами.

Посетителям рассказали о новом и очень интересном проекте «Италия: от классики до современности». Одним из центральных событий выставки стала международная конференция «Читатель XXI века – портрет на фоне эпохи» и «Круглый стол» «Что читает молодёжь, чтобы быть успешной». Молодёжный театр «Ювента» представил на суд публики новую постановку «Симфония огня» по мотивам романа «451 градус по Фаренгейту» писателя-фантаста Рея Брэдбери. Актёрский коллектив рассказал о мире, в котором человек ради лёгких развлечений и беззаботной жизни отказался от книги. Актёры воссоздали реальность, состоящую из комиксов, населённую мужчинами-пожарными и девушками-куклами. Обязанность этих людей – следить за тем, чтобы все очаги душевных волнений были истреблены. С песнями и танцами они показали страшный мир без книги, без мысли и без души...

Успешно прошла презентация современной болгарской литературы, которая не переводилась в России вот уже 20 лет. Да и наших писателей в Болгарии знают достаточно хорошо. Немного знаком их читателям Борис Акунин, Валентин Сорокин, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Андрей Дементьев, Лариса Рубальская. А вот книг Юрия Кузнецова, Валентина Распутина, Василия Шукшина, Анатолия Передреева, Глеба Горбовского, Нины Карташевой, Марины Струковой, Станислава Куняева, Владимира Тыцких, Бориса Орлова, Юрия Кабанкова, Вячеслава Протасова в Болгарии не найти.

Клуб ценителей русского языка развернул дискуссию на тему «Как будет говорить Россия через четверть века». Писатели и поэты были правы, когда утверждали, что то, что творится с русским языком, можно отнести к опасному кризису, последствия которого трудно представить. Доброе слово в защиту великого и могучего своевременно и в высшей степени необходимо именно сейчас.

На одном из стендов привлекает внимание трилогия Юрия Рытхэу «Время таяния снегов», над которой автор работал почти десять лет. Именно она сделала писателя известным – он рассказал о непростой жизни народов Севера, пребывающих в постоянной борьбе с суровым климатом, об их нравах, обычаях, познакомил с необыкновенным фольклором. А роман «Самые красивые корабли» покорила весь читающий мир. В одном из последних интервью Юрий Сергеевич сказал: «Вспомните, на заре перестройки в Россию повалил ширпотреб: «фанты», «пепси-колы» и прочая ерунда. А сегодня самая популярная вода – родниковая без газа. В литературе происходит нечто подобное. Наступает время родниковой словесности». То, что я видел на стендах выставки, подтверждает правдивость слов всемирно известного автора, жившего в Санкт-Петербурге.

Особая «глава» Книжного салона – презентация книг на пограничную тематику. У стенда книжно-журнального издательства «Граница» ФСБ России с первого дня было много посетителей. Член Союза писателей России полковник Александр Калининко рассказал любителям военной книги о том, что, несмотря на различие в жанрах, все произведения объединяет тема любви к Родине и защиты её интересов – издательство является лауреатом пре-

мии имени Константина Симонова «За большой вклад в развитие военно-патриотической литературы». За двадцать лет творческой деятельности издательство выпустило в свет несколько сотен книг о современной границе. Продукция КЖИ «Граница» пользуется большой популярностью на международных выставках-ярмарках ближнего и дальнего зарубежья – Париж, Женева, Минск, Киев, Варшава, Пекин, Франкфурт-на-Майне.

Полковнику Вадиму Редькову, прапорщику Виктории Бесединой задавали вопросы по пограничным периодическим изданиям, охотно раскупали центральную газету «Граница России», публицистический и литературно-художественный журнал «Пограничник», информационно-аналитический журнал «Вестник границы», журнал Совета командующих Пограничными войсками государств – участников СНГ «Пограничник Содружества», журнал «Ветеран границы». Да и региональная газета «Пограничник» шла нарасхват.

Кандидат исторических наук полковник Владимир Морихин подробно объяснил, что из себя представляет Ассоциация «Военная книга», учредителями которой является КЖИ «Граница» ФСБ России, Фонд поддержки Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации, издательство «Кучково поле», «Воениздат» Министерства обороны РФ, объединённая редакция МВД России и Общество изучения истории отечественных спецслужб. Президентом Ассоциации является генерал-лейтенант Александр Зданович. «Военная книга» занимается выпуском военной, военно-прикладной и специальной литературы.

По книгам, представленным пограничниками на выставку, можно было судить обо всей пограничной литературе последних лет: что с ней происходит, какие есть тенденции, что для неё важно.

Задавшись целью коротко рассказать о новинках так, чтобы не выделить критическим благоволением ни одну из них, приходишь к выводу, что способ есть только один – описать, какие произведения покупались посетителями больше всего.

Читателей заинтересовали прекрасно изданные КЖИ «Граница» фотоальбомы «Граница России» и «Герои России – пограничники». Фолианты красочно смотрелись на пограничном стенде и их было приятно взять в руки. Фотоальбом «Граница России» представлял составитель Александр Калиниченко, он вышел под общей редакцией первого заместителя директора – руководителя Пограничной службы ФСБ России генерала армии Владимира Егоровича Проничева. В книгу вошли фотографии известных мастеров с изумительными приграничными пейзажами и портретами простых тружеников границы. Отдельным направлением раскрыта наградная система Российской империи, СССР и современной России. Издание содержит пограничный календарь, большое количество высказываний известных людей о буднях границы.

Владимир Серебров «Чеченский узел». Повесть посвящена сотрудникам ФСБ России, участвовавшим в составе сводных специальных групп в антитеррористических операциях в горной части Чеченской республики. В книге использованы пропагандистские материалы руководителей бандформирований. В 2007 году конкурсная комиссия ФСБ России присудила Владимиру Сереброву за эту повесть первую премию в номинации «Художественная литература и журналистика». Каждая фраза повести сооружена крепко, все герои вышли на редкость живые и с настоящими характерами, сюжет лихо закручен, так что читается запоем, в один вечер.

Николай Лободюк «На линии разлома. От границ СССР к рубежам России: очерки». Эта книга посвящена драматическому периоду истории пограничных войск в 90-е годы XX века. В ней отражены последние дни существования границ СССР, процесс вывода российских погранвойск с территории бывших союзных республик и становление новых рубежей России. В повествовании воспроизводятся ранее неизвестные широкому кругу читателей факты провокаций против воинов в зелёных фуражках, их противодействие криминалу. Посетитель выставки Анатолий Грибовский, служивший в пограничных войсках в Армении в 60-е годы, в первый день ярмарки приобрел эту книгу и в день закрытия Книжного салона сказал Владимиру Морихину, что «Линия разлома» Николая Лободюка заставила его заново переживать за судьбу страны, границы, пограничников, проявивших верность присяге, неподкупность, стойкость и мужество на том непростом этапе истории. Добавим, что из-под пера полковника запаса Лободюка вышел цельный, крепкий, ни единым словом не проваливающийся текст, который высоко оценили издатели и читатели.

Олег Постников «Мы души не держим в запасе: сборник стихов». В поэтический сборник офицера-пограничника включены стихотворения, затрагивающие самые важные человеческие ценности: любовь к Родине, женщине, отчему дому, патриотизм. Его произведения пронизаны искренностью чувств, лиризмом, не лишены философского смысла. Все стихотворения хороши, но особенно близко военным это:

*Нам не в чем себя упрекнуть!
На золотом штыках погонах –
Пыль горных застав, солнцепёки и порох
Крепят пограничную суть.
Нам не в чем себя упрекнуть!
И где бы судьба ни носила,
Мы честь офицера и славу России
Не дали собой зачеркнуть!*

«Военачальник особого сплава: генерал-полковник П. Зырянов в воспоминаниях сослуживцев» (составители П. Иванчишин и В. Ярлыченко). Два года тому назад исполнилось 100 лет со дня рождения генерал-полковника Павла Ивановича Зырянова. К этой дате пограничники выпустили книгу воспоминаний сослуживцев, родных и близких выдающегося советского военного руководителя, на протяжении 20 лет (1952–1972) возглавлявшего Пограничные войска Советского Союза, деятельность которого оставила яркий след в их истории.

Сравнивать её с ЖЗЛовскими томами можно и нужно. Ветераны пограничных войск высоко отзывались об этой книге. Чего не скажешь о произведениях журналиста Леонида Млечина, которые были представлены на соседнем стенде. В его исторических книгах «Брежнев», «Борис Ельцин. Послесловие», «Моссад. Тайная война», «Евгений Примаков», «Адольф Гитлер и его русские друзья», «Самая большая тайна фюрера» много всевозможных сенсаций, открытий. Да, Леонид Млечин умеет увлечь читателя, его книги читаются легко, но, на мой взгляд, история как наука благодаря такой популяризации перестает быть наукой, превращаясь в питательную среду для сомнительных гипотез.

Анатолий Цветков «На переднем крае защиты Отечества». Нетускнеющие воспоминания участника Великой Отечественной войны автор пронёс через годы и на их основе создал художественное произведение с увлекательным сюжетом. Прочитать эту книгу будет интересно не только современникам тех событий, но и молодым людям, многим из которых самим довелось повоевать в «горячих точках». Полковник в отставке Анатолий Цветков после войны служил в Пограничных войсках и органах безопасности. Он член Союза писателей Российской Федерации, доктор военных наук, профессор. Язык его книги не изощрён, композиция бесхитростна, сюжет простой и правдивый.

На выставке к нашему стенду подходили действующие пограничники и те, кто служили на границе в разные годы. Их интересовали книги Геннадия Ананьева «Юрлий клёкот», Владимира Рыбина «Встречный бой», «Контролёры Вселенной», «Золотой капкан», Юрия Виноградова «Аргентинское танго», Владимира Силкина «Контрольно-следовая полоса», Павла Ермакова «Нерядовой случай», Виталия Бубенина «Кровавый снег Даманского», Вячеслава Котова «Память и боль», Вячеслава Боярского «Генерал армии Матросов: портрет на фоне границы», Василия Шура «Судьба моя – граница», Александра Плеханова «Отдельный корпус пограничной стражи императорской России», Юрия Нешумова «Граница Афганистана: трагедия и уроки».

Думается – то, что чем занимаются писатели, является далеко не одним только их личным хобби. Потому что история – это тот духовный фундамент, на котором вырастает нация. И сегодня, как никогда раньше, важно, чтобы молодое поколение воспитывалось на глубоко исторических и – главное – с любовью написанных книг о своем Отечестве.

Некоторые офицеры-пограничники интересовались, будет ли переиздана книга Владимира Морихина «Традиции офицерского корпуса России». Автор ответил, что историческое исследование будет переиздано и дополнено новыми фактами летом этого года. Также спрашивали, где можно приобрести Книгу памяти пограничников, погибших при выполнении воинского долга по защите Отечества (5 томов) – авторы В. Мурин, В. Дядищев, В. Никитенко (посмертно), Г.Проскурина, В. Цветков; книгу В. Ильина «Г.К. Жуков о погранич-

никах – "скромных людях в зеленых фуражках" и книгу А. Белого «Жизнь на войне и без войны. Исповедь неизвестного солдата». Кстати, все эти книги выдвинуты на соискание Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Поклонницы творчества Эдуарда Асадова в первый же день выставки купили его собрание сочинений в шести томах, которое поразило их искренним лиризмом и верой в добро.

В детский день и день семейного чтения посетители знакомились с детской литературой, которую выпускает КЖИ «Граница» в серии «Защитники Земли Русской». Большой популярностью пользовались книги полковника Владимира Петрова «Георгий Жуков – маршал Победы», «Николай Кузнецов – человек-легенда», «Застава героев», «Князь Владимир Красное Солнышко», «Генерал Ермолов – проконсул Кавказа», полковника Владимира Морихина «В воздухе – асы», «Денис Давыдов», майора Людмилы Калиниченко «Сражающиеся столицы», Владимира Никитенко «Герои-молодогвардейцы».

Очень трогательно выглядела сцена, когда Владимир Морихин подписывал свою книгу «Денис Давыдов» сыну пограничника Дениса Липко – Славе. Тот прижал книжку к себе, а потом бережно передал её младшей сестрёнке Диане, чтобы и та посмотрела подарок от пограничников.

Хорошо, что руководители Пограничной службы ФСБ России, сотрудники КЖИ «Граница» понимают, что самое главное и святое на свете – дети. И всегда помнят, что именно книга в большей степени воспитывает у детей любовь к Отечеству, окружающему миру. В детях с рождения живут зачатки прекрасной и справедливой жизни. И долг издателей эти зачатки развивать.

Хорошо смотрелись на пограничном стенде и книги издательства «Кучково поле». Особый интерес вызвали произведения полковника Михаила Болтунова «Диверсанты», боевого офицера Валерия Малеванного «Советский спецназ в Афганистане» и офицера ГРУ Евгения Иванова, написанная в соавторстве с Геннадием Соколовым «Голый шпион». Нашёлся читатель и на историческую книгу В. Михневича «Русская женщина XVIII столетия», в которой рассказывается об изменениях в образе жизни, менталитете и психологии русских женщин, произошедших в результате реформ Петра 1 и последующего развития общества.

Хорошо раскупались буклеты, авторочки, пакеты, наклейки, вымпела и открытки с пограничной символикой.

25 апреля на стенде КЖИ «Граница» прошла творческая встреча с коллективом региональной газеты «Пограничник» из Санкт-Петербурга. Главный редактор газеты Сергей Дугалев рассказал книголюбам о том, что издание распространяется в Региональном пограничном управлении ФСБ России по Северо-Западному федеральному округу. В том году Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России дало высокую оценку ежемесячным приложениям издания – «Библиотечке газеты "Пограничник" и «Северной музе», в которых публикуются произведения прозы и поэзии военно-патриотической тематики как самих сотрудников редакции, так и нештатных авторов.

Гости книжного салона приняли участие в обсуждении повести полковника запаса, почётного сотрудника госбезопасности, лауреата премии «Золотое перо границы» Анатолия Смирнова «Кровавый Пяндж», повести капитана 2 ранга запаса, члена Союза писателей России Владимира Тыцких «Ещё не старые лошади», историческо-го очерка полковника запаса Николая Трояна «Подвиг русской женщины», рассказа писательницы из Москвы Татьяны Кирилки «Верность» и рассказов заслуженного работника культуры России полковника в запасе Евгения Знаменского, стихов Марины Доценко, Олега Бучнева, дальневосточников Людмилы Баженовой, Елены Обойминой, Галины Якуниной, Бориса Лапузина, Николая Морозова, Петра Носика.

Полковник запаса Василий Масюк, подполковник запаса Сергей Анчуткин дали высокую оценку повести Анатолия Смирнова, они сами участвовали в боевых действиях в Таджикистане и утверждают, что автор написал правду. Полковник запаса Анатолий Смирнов пишет с подлинным знанием этой войны. Потому так впечатляюще и остродраматичен его «Кровавый Пяндж».

В свой юбилейный год Владимир Тыцких предпочитает козырять не возрастом, а новыми стихами и прозой. Эпилогом и прологом повести «Еще не старые лошади» будет любовь, сохраненная в себе и поддерживаемая в других.

Исторический очерк Николая Трояна читается с неослабевающим интересом, так как насыщен богатыми и хорошо систематизированными письмами, содержит их последовательный анализ.

Татьяна Кирияка – лирик, продолжатель традиций Юрия Казакова. Человеческую жизнь она может описать без утрирования чувств. Ее чудный рассказ «Зачерпни детство ладоною» чист и светел, пронизан добротой. Чувство своей провинциальной родины вообще всюду разлито в ее рассказах. Она не знает ничего красивее, чем дом и двор в котором росла с братишками и сестренками, где им давали первые жизненные уроки отец и мама. В каждом рассказе звучит тоска по чистоте – чистоте, которая бывает только в детстве и юности. Здесь, в этом деревенском доме, каждому до каждого есть дело, здесь никто никого не наставляет и не поучает – просто в общей круговой заботе душа воспитывается сама, а неуловимые токи жизни передаются от отца и матери детям.

Стихи Людмилы Баженовой психологически глубоки и романтически нежны, стихи Елены Обойминой деликатны и мягки. Привлекает внимание тонкая, интеллигентная лирика Галины Якуниной. У каждой из них – чистейший литературный язык.

Яркая публицистика, актуальные аналитические статьи о насущных проблемах, убедительные очерки – всё это норма каждого номера пограничного издания.

На пограничном стенде прошла презентация книги генерал-майора в отставке Виктора Харичева «На рубежах Отечества и мужества», двухтомника «Рождение империи», книги очерков «На рубежах Невского края» Аркадия Белого, фотоальбома Владимира Бертова «Служим России», сборника стихов Марины Чистоноговой (Доценко) «Не для прессы». Все эти авторы хорошо известны пограничникам. Всю жизнь книга «На рубежах Отечества и мужества» медленно вызревала в душе самобытного поэта-генерала Виктора Харичева, чтобы к 75 годам воплотиться-таки в печатные страницы. Аркадий Белый – автор романов, повестей и рассказов, вошедших в книги «Нулевой цикл», «Гарнизон», «Зона повышенной опасности» и другие. Много лет работает над романом-хроникой «Рождение империи». Действия первой книги-трилогии разворачиваются на Украине и в Москве, на южном и северо-западном порубежье Руси, в Турции и Крыму, в раздираемой смутами и затяжными кровопролитными войнами Речи Посполитой. Роман Аркадия Белого далеко не прост в чтении, но и не усложнен, не запутан пустым глубокомыслием.

Капитан Марина Доценко автор поэтических сборников «Как далеко до Бога», «Цейтнот», «Дневник пред ночником», «Глаголь добро». Основное направление в ее творчестве – патриотизм и православие. Она никогда не фальшивит в стихах, потому что понимает: без уважения к человеку, без искренности, достойной открытости русская литература невозможна. С родословной Иисуса Христа начинается благоговение от Матфея. Скупю перечисляются имена рода. С этого начинается память. Большинство стихов Марины Доценко о том, что связь поколений священна. Читаешь ее и ощущаешь физически течение поколений.

Обратили внимание читатели и на двухтомник Василия Боброва «Тюльпаны Александра Македонского». Об этой книге я слышал хорошие отзывы от полковника Александра Великого, который выполнял интернациональный долг в Афганистане и знает не понаслышке, о чем пишет автор. Василий Бобров – преподаватель учреждения «Вымпел-Центр», полковник запаса, кандидат военных наук, доцент. Окончил Алма-Атинское пограничное командное училище КГБ СССР в 1977 году, Военную академию им. М.В. Фрунзе в 1993 году. С 1973 года по 2000-й проходил службу на различных офицерских должностях в Пограничных войсках КГБ при СМ СССР – ФПС России. В 2000 году уволен в запас ФСБ России с должности старшего преподавателя Общевойсковой академии Вооруженных Сил РФ. В 1980-1981 г. выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Попав в кипящий котел восточной войны он вышел оттуда странником, шествующим не к нам, не вместе с нами, а туда, в глубь веков, мимо веков, мимо забытых силуэтов прошлого, знойной пустыни Каракум, холмов, поросших фисташковыми деревьями, диким инжиром, чабрецом, мимо глубоких ущелий и отвесных скал, раскрошившихся от старости мечетей, что выстроились в нашей памяти как свидетели тех давних времен. И прошлое из-под пера Боброва обретает реальные очертания, проявляются действующие лица, оживают слетевшие с губ Александра Македонского слова, и у вас оживает гениальная память и

постепенно вы становитесь соучастником того прошлого, а потом и настоящего, которое Василий Бобров и назвал историческим романом, где просто фантастическая реальность тесно переплетена с реальной фантастикой. В основу книги положены подлинные события, факты, а также гипотезы и версии. Вымышленным является только сюжет, тесно связавший их единым замыслом. Неизвестные ищут клад Македонского, который он спрятал на севере Афганистана. До наших дней дошли только сведения, что на том месте, где спрятан клад, растут красные тюльпаны необычайной красоты и величины. А вот место, где растут цветы, знает один офицер-пограничник. Он – единственный ключ к разгадке этой тайны. Все пытаются её разгадать двадцать лет, и все ищут пограничника...

В книге отзывов КЖИ «Граница» тележурналист Александр Невзоров оставил краткую запись: «Прекрасное издательство!».

Ответственный редактор окружной газеты «На страже Родины» полковник Сергей Мартынкевич написал: «Желаю вам надежно стоять на страже границ печатным словом и ёмким стихом. Не забывайте о силе печатного оружия и смысле служения Государству Российскому».

Я думаю, тут будет уместно процитировать начальника КЖИ «Граница» полковника Александра Калининко: «Все наши авторы, и именитые, и начинающие, дороги для нас, и это с их неосценимой помощью делаем мы свое главное дело – выпускаем книги, которыми гордимся, твердо зная, что они нужны, востребованы в сегодняшней жизни. Обращаемся к читателям: освобождайте книжные полки для произведений, которые есть в редакционных портфелях и которые скоро выйдут в свет. Пограничные издания будут современно оформленные и удобные для прочтения на заставе, в матросском кубрике, в беседке – везде. Читайте наши журналы, центральную и региональные газеты, книги и вы не пожалеете, они стоят того, чтобы их читали...».

Также высокую оценку печатной продукции пограничников дали вице-губернатор Санкт-Петербурга Алла Манилова, генеральный директор издательско-полиграфического комплекса «Гангут» Юрий Жильцов, директор по связям с общественностью издательского дома «Альва-первая» Любовь Нужная и региональный представитель в Санкт-Петербурге «АСТ Пресс» Юлия Тверская.

На закрытии выставки «Санкт-Петербургский книжный салон» председатель Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации правительства Санкт-Петербурга Юрий Зинчук сказал: «Это крупнейшее литературное событие в стране. В прошлом году ярмарку посетили семьдесят тысяч человек, в этом году больше. Это говорит о том, что культурный потенциал России не снижается».

Примечательно, что ярмарка уже принесла свои плоды. Например, представитель аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе пообещал, что в ближайшее время будет заключен договор на закупку книги Н. Кузнецовой-Нестеровой «Рожденные на границе!» для образовательных учреждений. Возникли идеи совместных проектов с некоторыми издательствами (значит, что четыре дня творческого общения не прошли даром). Руководство КЖИ «Граница» поддержало инициативу Российского книжного союза о создании Национальной программы поддержки и развития чтения в Российской Федерации как приоритетного проекта в области культуры.

Хотелось бы поделиться с читателями радостной вестью: исполнители директор выставки Сергей Кайкин отметил пограничное издательство вручив ему диплом «За активное участие в книжной ярмарке».

К своему юбилею – 20-летию КЖИ «Граница» – журналисты и полиграфисты подошли в расцвете творческих сил. За эти годы ими пройден достойный путь. И почитатели пограничной прессы могут быть уверены: не менее замечательные достижения ждут её впереди.

...Быстро протелела 4 книжная выставка-ярмарка «Санкт-Петербургский международный книжный салон». На север и запад, на юг и восток разъехались издатели и писатели, увозя с собой впечатления о новых хороших знакомых, заветные адреса, стихи, книги – будущие ниточки, которые свяжут крепко-накрепко талантливых людей в их стремлении к мудрому, взаимовыгодному сотрудничеству.

Всё уходит куда-то

Анна БОНДАРЕВА,
г. Прага, Чехия

* * *

Арифметика чувств
выдавала ошибку,
Геометрия жизни
сходилась в тупик,
Но душа, как и прежде,
хваталась за скрипку,
И сосед к её плачу, наверно,
привык.
Первый снег не срывался
и после Покрова –
Лунный свет не ловил
на ладонь конфетти.
Мне казалось, что снег
станет чем-нибудь новым,
Мне казалось, что снег
нас сумеет спасти.
Бесконечность на ноль
умножать нету смысла,
Математика к числам
безмерно строга.
Мне нести эту боль,
как несут коромысло,
А ведёрка печали нанижет
строка.

* * *

Не делай мне больно ни словом,
ни взглядом,
Однажды заметив
в мелькании лиц
Знакомую нежность,
скользнувшую рядом,
Под трепетным взмахом
намокших ресниц.
Пусть холод меня обнимает
за плечи,
И кудри побелит густой
снегопад...
Нас кто-то спасёт
от возможности встречи,
Коль ты ей не будешь
действительно рад.

* * *

Тебе, незнакомый
Я, наверно, зря так была
откровенна,
Я, наверно, зря так открыта
была, –

Мы на разных живём
полушариях – верно?
И к чему бы с тобой
нас любовь привела?
Как порою близки мы бываем,
и даже
Километры дорог
нам не строят преград...
Если хрупкое сердце
доверчиво ляжет
На ладони твои
в первый наш снегопад?..

И потери как будто
незримы и зыбки,
И как будто не знала
душа боль утрат...
Всё уходит куда-то,
лишь контур улыбки
Карандаш нарисует тебе
наугад.
Я, наверно, зря показалась
ранимой
И, наверно, зря в этот вечер
не сплю,
Спрятав плечи
в пушистом своём палантине,
За открытым окошком
снежинки ловлю.

* * *

Я спою тебе песню
про клён у окна,
Хоть ни слуха, ни голоса,
в общем-то, нет,
И про запах травы,
молока и зерна,
И про дикую вишню
и яблони цвет,
Про бескрайнее поле
с холодной росой,
Свежесть ветра и нежность
рассветных лучей,
И как делятся сладким
ромашки с пчелой,
Как по камню скользят
непоседа ручей.
Я про маму спою
и тепло её рук,
Про пушистое облако
над головой

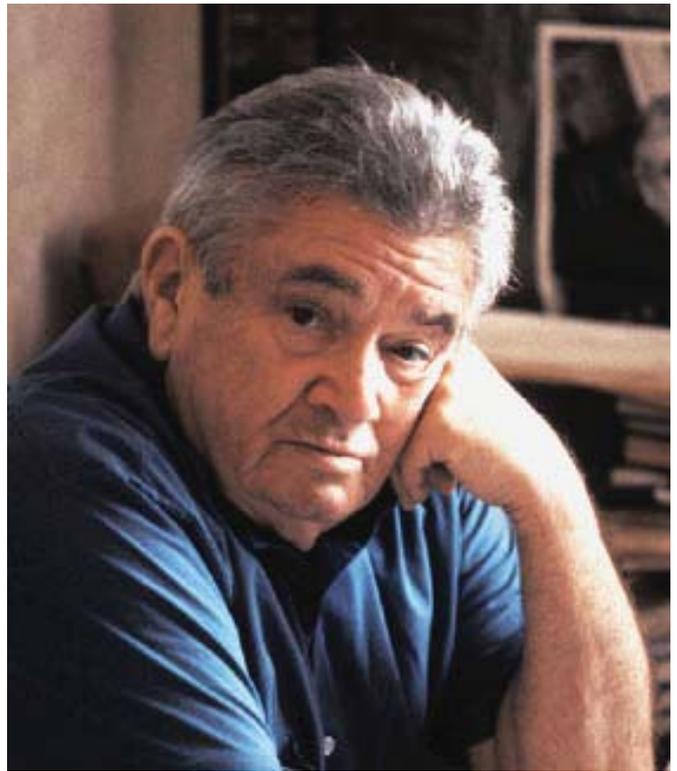
И про то, как под вечер
коричневый жук
На сирени присел
и укрылся листвой.
И про шарики звёзд
будет тоже куплет,
Про изогнутый месяц,
как контур брови,
А когда, засыпая,
погасишь ты свет,
Я спою о своей
бесконечной любви...

* * *

Этот август не очень был –
сер и дождлив,
На туман не скупился
и туч не жалел,
Он насвистывал ветром
печальный мотив
И от скуки, наверно,
досрочно желтел.
Папиросы курил
и пропах табаком,
Он с ладони уставшей
кормил голубей,
И бродил по аллеям
хромым сквозняком,
И о чём-то мечтал
в немоте фонарей.
Кареглазым он был,
с седinou на висках,
И газеты читал
на скамейке в углу,
Что-то почерком мелким
писал на полях
И кострами сжигал,
развевая золу.
Я его, не поверите,
знала в лицо, –
Вечерами болтали и пили
коньяк.
У него на руке было
тоже кольцо...
Нежный август...
а, впрочем, один из гуляк.

Я ему помогу

Евгений ВЕСНИК,
г. Москва

Было время, когда провинциалов – людей, как говорили, «из глубинки» – изображали в театре и в кино этакими недотёпами с авоськами в руках, в широких брюках, в шляпах, держащихся на ушах, «зевающими» по сторонам, разглядывающими автомобили, дома, прохожих, не там, где надо, переходящими улицы, обязательно курносыми, обязательно или окающими, или гакающими, или еще что-нибудь смешное, нелепое делающими и обязательно вызывавшими насмешки у других – этакое внутреннее похлопывание по плечу или удивление отсутствием культуры и хороших манер в их поведении.

Мне предстояло сыграть подобный образ, и я упорно искал решение роли, то есть искал краски, средства выражения, позволившие бы мне несколько нарушить сложившийся штамп облика «человека издалека», и, как всегда это бывает, набрёл на прототипа новой роли совершенно случайно...

Эта встреча состоялась в ресторане Харьковского аэропорта в ожидании отправки задержанных из-за непогоды самолётов.

На маленькой эстраде играл оркестрик из четырех-пяти человек. Над тромбоном «трудился» человек то ли бешеного темперамента, то ли с недостаточно длинными для этого инструмента руками. Одним словом, создавалось такое впечатление (или сам музыкант создавал его), будто ему безумно трудно брать ноту, соответствующую оттянутому до предела вниз положению двигающейся по тромбону трубки – «кулисы». Может быть, это было своеобразным творческим, профессиональным кокетством или демонстрацией сложности овладения строптивым инструментом. А почему бы и не пококлетничать? Ведь после Вана Клиберна все пианисты, за очень малым исключением, стали поднимать очи к Богу, сокрушенно покачивать или вибрировать головой, вздыхать, задерживать дыхание, обрушиваться на клавиши, как на страшного врага, почти прикасаясь носом к ним. Вану это очень шло. Большинству

подражателей не очень. Но тем не менее – вибрируют, создают впечатление невероятной внутренней отдачи волшебным звукам, порой забывая о том, что этими ванклиберновскими движениями отвлекают от звуков внимание сидящих в зале. Я слышал на одном концерте нашего знаменитого пианиста в Большом зале консерватории реплику, шёпотом произнесенную молоденькой девицей своей подруге: «Смотри, смотри, как голову запрокинул. Ему плохо! Наверное, голова закружилась от напряжения!». На что седой человек, сидящий рядом с девицей, тоже шёпотом добавил: «От успеха!»

Так почему же нашему тромбонисту не пококлетничать? Что, тромбон хуже рояля? Почему маэстро не поднатужиться, не надуть щёки до «вот-вот лопнут», не изогнуться в стремлении оттянуть от себя подалее «кулису» да ещё с таким выражением лица, как будто она – трубка эта – ему неприятна: «Фу, дескать, бяка какая! Видите, как мне трудно с ней – нехорошей! Бяка!».

Сидевший в одиночестве за одним из столиков молодой, симпатичный, обаятельный человек, чуть-чуть «отдохнувший», покинул свой салатик, минводичку и графинчик, подошел к маэстро и стал внимательно наблюдать за тем, как двигалась «кулиса» по телу тромбона, провозжая взглядом и движением головы её рывки то вниз, то вверх, иногда отрываясь от этой су-

губо аналитической работы, дабы рассмотреть надувные щёки маэстро и его невероятные усилия в борьбе с бякой-трубкой.

Когда оркестр заканчивал играть очередной опус, молодой человек замирал и очень по-доброму оглядывал всех музыкантов, терпеливо ждал нового опуса и снова двигал свою русую голову вместе с «кулисой» вверх-вниз, вверх-вниз... Оркестранты сыграли прощальный номер, стали собирать инструменты.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (к маэстро): Дай дудочку...

МАЭСТРО: Зачем?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Дай, пожалуйста... Я ничёго поганого не зроблю.

МАЭСТРО: Ну, пожалуйста, нате. Только осторожно!!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (медленно снимает-оттягивает «кулису» с корпуса тромбона и говорит по-доброму): На, не мучайся.

Из-за непогоды самолёты задержали до следующего дня. Ранним утром я познакомился с молодым человеком, рассказал ему, как мы смеялись над его шуткой с тромбоном, и... оказалось, что это была вовсе не шутка.

Парень шестнадцати лет вместе с родителями подался на заработки из-под Херсона в глухомань Севера. Поклялись с подружкой ждать и быть верными друг другу на всю жизнь. Закончил десятилетку, заработал денег. И вот летит на свадьбу. Ему 20 лет. Самолёт задержали, с досады пошёл в ресторан первый раз в жизни...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (скромно стеснительно, чуть нараспев): Тильки от вас узнав, щоця железяка тромбун зовётся. У нас колы спивалы та игралы, то тильки на баяне чи на гитаре упражнялись. Роялев не було. Замерзають воны на севере – брэхать начинают. И ставыть их нэма куды – клуб манэхонький. А тут у рэстаране бачу в руках у чоловика така здоровенька штуковина и дуже вин с нею маится, мучается значить... Увесь красный, мокрый, щёки надувает, ручками дёргает и, бачу, возраст уже несвежий. Да ще трошки я у сэбэ «принял», расчувствовался с досады – дивчина ждэ, а литак нэ лэтыть, нэхай ему пусто будэ, – значить, дывывся я, дывывся на того трудягу с тромбуном, бачу вин нияк трубку вынять нэ можэ. Дай, думаю, поможу! И вынял. Легко так вынял. А вин, бидняга, мучився, мучився...

Вот такой рассказ: «Дай, думаю, помогу...»

Он помог и мне. Помог сыграть так называемого провинциала не как недотёпу со шляпой на ушах, а как человека, ещё «не обработанного» урбанизмом, цинизмом, безразличием. Я уловил качество его взгляда на жизнь, не утерянное (пока) в пене цивилизации, душевное выражение удивления, сострадания, соучастия. Мне кажется, такой провинциал не пройдёт мимо упавшего пешехода, не покинет старых родителей, не будет пробегать мимо шедевров живописи или скульптуры в знаменитых музеях – обязательно рассмотрит их, обязательно подаст калеке и выручит друга, даст денег в долг...

Мне кажется, такие «прощачки» духовно чище иных заскоружлых горожан, напыщенных общественников. В человеческой тесноте трудно разглядеть и оценить хорошее и истинно плохое в каждом. Он – молодой человек – рос, работал, проявлял себя на просторах Сибири, на которых хорошо просматривается каждый нюанс человеческого характера. Он жил на виду у людей, а многие горожане из цивилизованных упорно добиваются, чтобы их увидели. В его жизни «набор зла и добра» меньше нашего. Он реагировал на каждое проявление того и другого. Горожане – избирательно, потому что (ох!) как много того и другого! Горожане стали безразличными и циничными. В «цивилизованных» человеках значительно реже, чем в «провинциалах», просыпается – «дай я ему помогу!». Наш герой не растворился в каше человеческих пороков, не исключен в конвейере придуманных радостей – от леденца на эссенции до порнографии!!

Дай ему Бог подольше не брать в руки и в сердце патоку с эссенцией!

Роль провинциала я сыграл. Говорил я примерно так, как прототип роли – с украинским акцентом, но старался вести себя, смотреть на происходящие события открытым, чистым взором, переживать все коллизии участливо и более непосредственно, нежели те, кто чисто говорил по-русски, кто более воспитан и занимает разные посты (по пьесе). И, помню, добился большего одобрения зрительного зала, нежели другие! Спасибо простому молодому человеку из глубинки!!

Я ДОЛЮ СВОЮ ПО-СОЛДАТСКИ ПРИЕМЛЮ

Валентина ГАМАЮНОВА,
г. Артем
Приморский край

конкурс
9 Мая

9 сентября 2009 г. 80 лет исполнится Михаилу Дмитриевичу МОРОЗОВУ. Ему не пришлось воевать на фронтах Великой Отечественной, в 1941-м ему исполнилось 13 лет. Но горя, голода, холода, жизни на оккупированной территории хлебнул вдоволь. Активиста, члена президиума совета ветеранов войны и труда хорошо знают в нашем городе. Немало посетил он квартир фронтовиков, проверяя их жилищные условия. Не раз стучался председатель жилищно-бытовой комиссии в двери чиновничьих кабинетов, чтобы хоть как-то помочь участникам войны. Михаил Дмитриевич - мастер-взрывник с 37-летним подземным стажем, в течение 10 лет - взрывник-испытатель на динамитном складе. Труженик тыла, имеет множество наград.

– Михаил Дмитриевич, вам исполнилось 13 лет, когда уже больше двух месяцев шла война. Расскажите, пожалуйста, об этом периоде жизни.

– Через нашу деревню Руно, где я родился, двигались два потока людей: с запада передвигались беженцы, которые гнали скот в глубь страны; ночью шли полки на фронт, а с фронта на полуторках и подводах везли раненых. «Воздух» тоже не молчал: косяки самолетов-бомбовозов в сопровождении истребителей направлялись на Ржев, Осташков, в район Пено.

Мужчин каждый день забирали в армию и отправляли за 35 км до станции Пено. Старая Русса была окружена немцами, а в Каменке шли ожесточенные бои. Мы, подростки, видели зарево пожаров по ночам, слышали гул боев.

– Ваш Пеновский район находился под оккупацией с 22 ноября 1941 года по 10 января 1942 года...

– Да, печальные и безрадостные были эти дни. У нас в деревне стоял кавалерийский полк, который был уничтожен немцами, а мы ушли в лес. Жили в землянках. Урожай свой собрать не успели, потому что сначала убрали колхозный. В поисках картофеля ходили в деревню, но это было невыносимо трудно, так как все заборы были снесены танками, а огороды укатаны, как асфальт.

Жили в окопах, где в стенах делали печи и варили похлебку. На Черном озере ловили рыбу, на болотах собирали клюкву. Вот такая была жизнь. Как-то немцы-часовые, которые стояли на мосту через Волгу, дали нам листовки. В них сообщалось, что если жители не вернуться в деревню, то всех будут считать партизанами, которых ждет расстрел. Мы передали листовки старикам. После чего был такой плач, что становилось жутко. И... мы погрузили свои пожитки на телегу и отправились в деревню. Телега застряла; чтобы ее вытащить из грязи, дед Вася решил срубить кол. Только он сошел с дороги, как раздался взрыв мины. Ему оторвало ногу, и по дороге он умер.

Так мы и прибыли с телом односельчанина в деревню Руно. В каждом доме, уцелевшем от пожара, жили немцы, а в нашем доме их было аж десять – карательная команда. Нам выделили одну спальню на пять человек.

Когда начались бои под Ржевом, мы остались без куса хлеба. Скот – без корма. Пришлось раскрывать соломен-

ные крыши, собирать подстилку с окопов и блиндажей, чтобы накормить скот. Сами что-то съедобное находили...

– Известно, что в вашей деревне жила Лиза Чайкина, которая осталась в памяти россиян славной дочерью своего народа, Героем Советского Союза.

– Лиза Чайкина, действительно, землячка, она принимала активное участие в организации подпольных комсомольских групп, в создании партизанского отряда. В пятнадцать лет она стала комсомолкой. Впоследствии – секретарем комсомольской организации, инструктором в редакции районной газеты, а затем – начальником распространения и экспедирования печати. В двадцать один год вступила в члены коммунистической партии.

Предатель Т. Колосов получил по заслугам, но Лизы Чайкиной не стало: фашистский офицер выстрелил Лизе в висок. Ее последние слова были: «Я умираю за нашу Родину!» Это случилось 22 ноября 1941 года. Указом от 6 марта 1942 года Е.И. Чайкиной посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сегодня имя Лизы Чайкиной известно во всех уголках России и далеко за ее пределами. Н. Бирюков написал книгу «Чайка», Г. Комиссарова – поэму «Лиза Чайкина», И. Ф. Шведова – пьесу «Той осени последний день», которую автор подарил краеведческому музею Пеновской неполной средней школы, названной ее именем. Кинотеатр «Чайка» тоже назван в ее честь. В центре поселка Пено стоит памятник Л. Чайкиной, автором которого является скульптор народный художник СССР Н.В. Томский. На месте расстрела, на берегу Волги, установлен обелиск. Министерство связи СССР трижды посвящало свои выпуски Герою Советского Союза Елизавете Ивановне Чайкиной. Один из них – почтовый конверт, исполненный художником А. Зубовым, был выпущен к 50-летию со дня рождения героини.

Всем известно, что космическими позывными первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой было слово «Чайка». Так Валентина Николаевна отдавала дань глубокого уважения славной дочери своего народа.

– Михаил Дмитриевич, у вас трое детей, пять внуков, а как сложилась судьба ваших братьев и сестер?

– Брата Сашу после оккупации взяли в армию, а немно-

Освобождение

конкурс

9 Мая

Дисциплина у немцев в армии была строгая, солдаты беспрекословно подчинялись своим младшим командирам и офицерам, что было оправдано их высокой квалификацией и подтянутым, почти щегольским видом. Однажды квартировавший в селе Брынь в избе Сениных артиллерийский унтер-офицер отчитывал танкиста, обижавшего проживающую во второй половине дома

бабушку, и тот танкист не рискнул возражать. А ведь оба находились во фронтовой обстановке, когда люди ежедневно рискуют жизнью и могут позволять себе некоторые вольности. Мелкие проступки местного населения карались нещадно пинком кованого сапога, а сопротивление оккупационным властям угрожало расстрелом.

В тот период войны немецкие солдаты питались хорошо, они ежедневно носили с кухни густую горячую кашу, чаще гороховую, с мясом, и черный кофе. На всякие перекусы у них имелись сардины, смалец в жестяных банках, собственный хлеб и конфеты. Надо сказать, что хлеб у них был ерундовый, не вкусный, пресный, отлежавший несколько месяцев или лет на армейских складах. Хороший паёк не мешал солдатам вермахта забирать у жителей деревень всё, что попадало на глаза: яйца, картошку, мёд, муку, творог. Не обращали они внимания на слёзы матерей, у которых были на руках дети и старые родители, уводили со двора домашних животных на мясо.

О начавшемся наступлении Советской Армии под Москвой в декабре 1941 года жители сёл и городов Калужской области узнали не сразу; в народе стали ходить слухи, что на защиту столицы нашей подросли сибиряки, которые могут спать даже в снегу. Это казалось тогда сверхъестественным и очень взбудрило местное население, да и немцы в то время заметно промёрзли в наших краях и притихли. Живших артиллеристов в избе Сениных иногда навещал пожилой солдат, умевший говорить по-русски. Он-то и рассказал деду Сенину, что в первую мировую войну был в русском плену и благодарен русским за всё, что сделали для него простые люди. Однажды он сообщил по секрету о том, что немцы скоро уйдут, но угонят с собой всех деревенских жителей, и посоветовал спрятаться где-нибудь на несколько дней.

В ближайшие сутки ночью артиллеристы, как обычно, поднялись по тревоге, но стрелять не стали. У дома на улице загудели моторы грузовиков, и скоро в морозном воздухе раздался пронзительный визг со скрипом снега под колёсами тяжелых пушек, готовившихся в поход и отступление. В дом немцы уже не вернулись. Наутро мать семейства Сениных собрала в узел скатерти необходимые лекарства и еду, потом повела детей-подростков в подвал, сохранившийся под местным храмом. Большая сельская Брынская Преображенская церковь, построенная в 1830 году, – настоящая крепость, никакие снаряды не смогли разрушить её толстые метровые и прочные стены, а просторный подвал с массивными опорами обеспечивал безопасность собравшимся, при условии, конечно, что немецкие солдаты не надумают в него заглянуть.

На третью ночь послышалась стрельба пушек танков наступающих советских войск. Приоткрыв массивные двери подвала, женщины с детьми увидели вспышки от частых разрывов снарядов в ночном небе, дрожала земля, занимались пожары и казалось, что рушится мир. Когда канонада стихла, долетели чуть слышные звуки «...а-а-а!». Это кричали наши бойцы пехотинцы, но их голоса в морозной дали казались странными. Они ходили на крики о помощи, возможно, что только таким получается крик у идущих на смерть людей. К рассвету всё затихло, и оставшиеся в живых люди, выбравшись из укрытий, разошлись по своим домам. Село пустовало, народ будто прилёг отдохнуть от войны.

го спустя он прислал письмо, в котором сообщил, что легко ранен: в рот залетела пуля, оторвав кончик языка и выбив зубы. Другие братья – Иван и Василий – сражались под Смоленском, сестра Клава работала на химзаводе в Калининне, а сестру Галю, окончившую ФЗО, отправили в Новосибирск на военный завод. А я вместе с другими мальчишками после оккупации принимал участие в массовых похоронах. Растаявший снег обнажил массу трупов умерших от голода и расстрелянных: и наших, и немцев. Всех их мы закопали, а каски, оружие и противогазы сдали. А еще мы должны были сдать в сельсовет пенальчики. Это свернутые документы, похоронки на солдат.

Для топки паровозов нужны были дрова, мы много пилили леса. Когда наступило лето, группами по пять человек начали пахать землю. В деревне осталось всего пять коров. Немцы забрали остальных, взамен за каждую выдав по пять тысяч оккупационных марок. Но они не могли нам заменить ни разоренные хозяйства, ни уничтоженный скот. Так как бои шли в Псковской области, у нас начали копать оборонительные сооружения. Впереди была решающая Сталинградская битва...

По последним данным, в годы войны погибло 26 миллионов 400 тысяч советских людей. Как не вспомнить слова А. Твардовского: «Я долю свою по-солдатски приемлю, ведь если бы смерть выбирать нам, друзья, то лучше, чем смерть за родимую землю, и выбрать нельзя...». Тем более дорог нам каждый свидетель страшных дней войны. Потому я и хожу к ним, хлопочу, если по силам, за улучшение их жилищных условий. Не всегда все удается. Очередь на квартиру практически не двигается. Стараемся, ищем спонсоров, чтобы поправить ветхие дома ветеранов, сделать ремонт. В нашем городе объявлен марафон в честь Победы хотелось, чтобы необходимостью помочь ветеранам войны труженикам тыла, детям войны, проникся каждый. Чтобы не черствели души молодых, чтобы о пережитом их отцами, дедами и прадедами помнили долго.

СКРОМНОСТЬ

Станислав ОРЛОВ,
г. Владивосток.

Однажды, в августе 1961 года, мы, довольно большая группа командированных работников Астраханского завода электронной аппаратуры, с жаром обсуждали предстоящую сегодня вечером товарищескую встречу футболистов сборной Союза и клубной командой Бразилии. Особенно внимательно слушали высказывания Германа Орлова, моего товарища по работе, кандидата в мастера спорта по легкой атлетике, прекрасного знатока истории спорта, в том числе футбола. Он с такой убедительностью сыпал именами недавно загоревшихся футбольных звезд: Гаринча, Пеле, Диди и других, не говоря уже о наших знаменитостях, перечислял на память составы клубных команд, их победы и поражения, положение в турнирных таблицах национальных первенств, – что мы только удивлялись, как такое количество информации из наших советских спортивных газет и журналов удерживалось в его голове.

Дело происходило в кулуарах Министерства радио-промышленности, попросту говоря, в курительных комнатах туалетов. И вот в какой-то момент этого интересного всем разговора один незнакомый нам гражданин, пожилой по сравнению с нами, тридцатилетними, одетый в модный в те времена летний плащ белого цвета, тихо, но все услышали, проговорил:

– Ах, с каким удовольствием я посетил бы сегодняшний матч вместе с вами, чтобы там послушать ваши комментарии!

Заявление «белого плаща» было настолько странным, что все замолчали и уставились на товарища.

– Но ведь билетов на матч нет в продаже уже месяц, в этом-то весь вопрос! Мы все бы там хотели быть, – промолвил кто-то с тоской.

– Может быть, мне продадут билеты? – сказал гражданин, сдвинув в сторону левый лацкан своего плаща: на его груди горела Звезда Героя Советского Союза!

– Господи, ну, конечно, для вас билеты всегда будут, о чем разговор! Но, сколько вы можете взять с собой?

– Я думаю, три билета мне дадут, как на семью. У вас же паспорта не будут проверять.

Время было около трех дня, матч начинался в 18-00. Герман мгновенно сообразил:

– Если вы свободны, то забирайте Станислава (то бишь меня) и поезжайте за билетами. Я подъеду к Лужникам, к ближайшим от метро воротам, к половине шестого.

Сказано – сделано. Минут через тридцать мы были на месте – у ближайших от станции метро «Спортивная» ворот стадиона им. Ленина. Ворота стадиона представляют из себя большую кирпичную арку, вправо и влево от которой идет десяток закрытых касс, а в обеих колоннах арки – две открытые спецкасы для Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда и полных кавалеров ордена Славы.

Наш знакомый подходит к открытой кассе, протягивает красное удостоверение Героя Советского Союза

девчужке-кассирше и просит продать ему три билета на сегодняшний матч «СССР – Бразилия». А кассирша, эта девчужка-пигалица, очень вежливо, но почти по-леви-тановски торжественно ему и отвечает:

– Товарищ Герой Советского Союза, я могу продать вам только два билета: вам и вашей жене!

– Ну что ж, давайте два, – расстроено говорит наш герой и протягивает два рубля, стоимость двух билетов на сегодняшний футбольный матч. А потом протягивает эти билеты мне и говорит:

– Вот, забирайте. И вечно мне не везет, а так хотелось еще послушать вашего товарища.

Я чуть не сел на пятую точку, я уже понял, что мне-то выходит полный облом. И даже успел с этим смириться. Как же так: его право, его билеты и он хочет послушать комментариев Геры... А отдает билеты нам, мне? Не пойму. Я предлагаю ему пройти к другой кассе и там приобрести еще один билет. На это он тихо, но убежденно отвечает:

– Как же я могу взять третий билет, если мне положено только два? Хорошо еще, что не спросили паспорт жены, а то вообще дали бы только один билет. Да вы не горюйте, я в футболе ничего не понимаю, я не болельщик. Мне просто понравился ваш друг.

И сколько я ни упрасивал его изменить свое решение, придумать какой-нибудь выход, он оставался тверд в правильности своего поступка. Он даже деньги за билеты отказался взять с нас, аргументируя тем, что мы еще молодые инженеры, обремененные семьями, не так уж много получающие, а он уже заслуженный, отмеченный, вполне обеспеченный, и ему стыдно считаться из-за этих двух рублей.

В половину шестого, как и обещал, появился Герман. Очень удивился произошедшему, но упираться не стал, поблагодарил нашего спонсора, хотя тогда мы таких слов и не знали, и даже понятие «меценат» было из какого-то далекого прошлого, не нашего времени. Мы с Германом с большим удовольствием посмотрели виртуозов бразильцев, особенно поразил хромоногий футболист Гаринча своей нестандартной техникой игры, своими оригинальными дриблингами и обводками. Когда он ставил свою укороченную ногу на мяч, то нога виделась совершенно прямой, а мяч был как бы продолжением ноги. А вот Пеле, великий Пеле, ставший впоследствии королем футбола, как-то не запомнился, о чем я стал сожалеть уже очень-очень скоро.

Выиграли бразильцы у нашей сборной с вежливым счетом, не очень обидным. Все-таки любили в те года нашу страну противники «капиталистов – янки», хотя американский образ жизни любили ещё больше.

Но вот образ нашего случайного знакомого, его скромность и честь запомнились мне на всю оставшуюся жизнь. Вот с кого можно было бы делать жизнь! И очень жаль, что таких людей не так уж и много – единицы!

День всемирной(?) поэзии

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

20 марта 2009 г. Весна! Иду на празднование Дня всемирной поэзии, предвкушаю радость соприкосновения с прекрасным. Не была в стенах родного ДВГУ более 20 лет – со времён ректора В.В. Горчакова.

Увидела красивый студенческий городок с новыми строениями, спускающимися почти до моря. Библиотека, в которую шла, – оригинальное многоэтажное здание, центр симпатичной архитектурной композиции. Внутри всё красиво, вызывает восторг и гордость за родной университет. Мне поверилось – в таких стенах должны сиять и проходить тонкую огранку настоящие таланты.

Уютный большой зал с мягкими креслами – ныряю в крайнее в первом ряду и жду «высокого».

Праздник немногословно и как-то по-простецки открыл непрерывно улыбающийся Борис Лапузин, быстро передав слово запроотоколенным «титлованным» (так их представили) гостям, которые читали по три своих стихотворения: Юрий Павленко, Вера Караман, Виктор Антонов, Николай Сидоров, Валентина Андриуц. Не могу сказать, что у меня появилось желание узнать этих новых для меня поэтов поближе (добрый отклик вызвали только строки В. Караман). Но душа всё ещё ожидала праздника.

Выступление конкурсантов предварила короткая речь представителя городской администрации (тоже выпускницы ДВГУ), подчеркнувшей, что данное мероприятие впервые поддержано городской администрацией, и эта поддержка планируется впредь. Борис Лапузин кокетливо «выпросил» у представителя власти четыре поэтические строчки. И они прозвучали! В них автор, троекратным рефреном отрекомендовавшись, что она русская (и этим, разумеется, «горжусь»), брала обязательство «Любить родителей, отечество и Русь!». На этой строчке мой мозг споткнулся под громкие аплодисменты всеядной аудитории.

Далее следовала небольшая хореографическая композиция, неплохо украсившая паузу между выступлениями поэтов двух поколений.

В конкурсе участвовали члены литературных объединений «Багульник» (ДВГУ), «Вектор» (при писательской организации), «Форум» и несколько молодых поэтов, представлявших самих себя. Они читали сначала по два, а потом (из-за того что мероприятие затянулось) по одному стихотворению.

Общим (?) голосованием (!) избрали двух самых достойных мастеров поэтического слова (очень по-русски: «короля» и «королеву»), от других ничем, на мой взгляд, не отличающихся.

Те, кто подал заявки на участие в мероприятии, получили благодарственные письма от администрации города, обещающие перспективу выхода в следующие туры конкурса, публикации в местном сборнике «Гул океанского прибой» и даже выдвижение на что-то Всероссийское. Неподавшим предложили прийти в мэрию и оформить соответствующие бумаги. Дело в том, что победителей предполагается определять по итоговому количеству этих самых благодарственных писем.

В завершение Борис Лапузин прокричал своё стихотворение, которое стало венцом дня Всемирной поэзии.

* * *

Я ещё чего-то жду...

Неужели так и не услышу сегодня ни одного стихотворения всемирно признанного российского или зарубежного поэта?! Неужели всем услышанным ограничивается мировая поэзия?.. Почему празднование, обозначенное как городское, свелось к самолюбованию «лапузинцев»? И для чего, собственно, пригласили меня, попросили прийти заранее и обязательно зарегистрироваться?

Болит голова. Зачем мне всё это? Потраченное время в обмен на собственное мнение, о котором хочется скорее забыть, как и обо всём увиденном. Печальный заключительный аккорд недели.

Впадаю в раздумья. Вдруг понимаю, какая я, оказывается, счастливая. Меня со студенчества окружали талантливые люди: на физфаке ДВГУ, в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова и, наконец, в МГУ им. Г.И. Невельского. Жаль ребят, которых я увидела и услышала сегодня в ДВГУ. Вдруг они думают, что ничего другого в поэзии нет? Или вообще не думают... Ведь тогда впереди – дорога в никуда, если не убежать отсюда быстро и далеко. Слух режет неверное смысловое употребление слов, нарушение правил русского языка, а также легко устранимые при одном показе грамотному редактору типичные ошибки стихосложения. Вспоминаю недавно побывавшую в моих руках книгу «И голос был звончей капли» (2006 г.) со стихами 7–17-летних приморцев. Многие стихи почти профессиональны, волнуют сердце и ум, западают в душу, вызывая желание к ним вернуться. Следовательно, молодой – не значит неграмотный и неумеющий. Надо только правильно научить. Правда, чтобы научить – надо самому стать... И не надо «гладить по головке». Плохое – оно и есть плохое. А пьедестал Учителя должен быть достаточно высок.

Ловлю себя на мысли, что после сегодняшней встречи для меня звание «член Союза...» (их, Союзов, в Приморье почему-то два, а в России, говорят, "штук" пять, если не больше) уже мало что значит.

И ещё одна мысль не даёт покоя: мой родной ДВГУ – это тот вуз, который, как ни один другой, призван возвращать поэтов. Но сегодня, на мой взгляд, совсем другой вуз, технический по предназначению – МГУ им. Г.И. Невельского, – имеет к истинной поэзии куда большее отношение! Может, в морских душах поэтический талант заложен изначально? А может, литературные «Паруса» МГУ направляют настоящие писатели?

«Парусам» заранее было подписано благодарственное письмо от Владивостокской мэрии за участие в «V Вечере поэзии». Тем самым студию заочно и загодя допустили к участию в большом, по замыслу, общегородском празднике. Но думаю, что стихи лучших наших молодых студийцев (М. Смирновой и др.), не говоря уже о любимых мной и несомненно талантливых наших «аксакалах» В.Тыцких, В. Протасове, В. Кулешове, Ю. Кабанкове, там просто не могли прозвучать: слишком велик был бы контраст.

Мне очень жаль, что в изящной архитектурной красоте Дальневосточного государственного университета в этот вечер всё оказалось таким ненастоящим...

Мой отец служил на Даманском, в погранвойсках, но уже после конфликта. Потом 25 лет работал на Дальневосточном пароходстве. К сожалению, папа умер, не дожив и до 47 лет. Интересно было бы найти тех, кто с ним служил.

Я не знаю номера воинской части отца, писем не осталось, из фотографий – только с присяги и когда лежит на учениях в 1973 г. в снегу с автоматом Калашникова – на Даманском. Полное имя **Климов Валерий Абрамович**, 1951 г.р. И до и после армии он работал в Охотске и Владивостоке – от матроса до капитана на рыболовецких сейнерах, потом был секретарем парторганизации порта, а в 1989 г. со второй семьей переехал в Донецкую область, где вскоре развёлся, а в 1995 – его парализовало. К сожалению, в 1997 г. он умер. Было бы интересно поговорить с кем-то из сослуживцев папы, тех, кто помнит его по работе на Дальнем Востоке.

И ещё. Я пытался найти родственников (тетю – Наталью Абрамовну Власову-Климову и дядю – Александра Абрамовича Климова) через сводную сестру, но она живет в Москве одна с ребенком и толком ничего не знает. Помогите, если это возможно. Они – мои родные тетя и дядя – должны жить в Охотске там, где жил мой отец Валерий Климов.

С уважением и большим приветом с берегов Днепра –
Олег КЛИМОВ.

Контактные телефоны в Днепропетровске:
раб. 744-40-25, дом. 749-65-19, моб. 8-097-4999-433.
Эл. почта: **diamond10@yandex.ru ; diamond777@i.ua**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Это письмо мы получили от известного украинского журналиста Олега Климова (г. Днепропетровск).

Вполне возможно, среди наших читателей найдутся люди, желающие помочь нашему корреспонденту.

Признаюсь, что читаю «ЛитМ» с надеждой, что когда-нибудь пойму, получу ожидаемое озарение: как же писать так, чтобы не считаться графоманом, а читающие мои стихи чтобы проживали вместе со мной те удивительные моменты, когда душа не может молчать.

Читаю я «ЛитМ» как учебник: и «Мастерскую», и комментарии критиков, и стихи в рубрике «Поэзия» с одной целью – выделить в произведении то, за что оно – Поэзия. Сделать это трудно и членам редколлегии – их мало, нагрузка большая, ведь все мы хотим внимания. У меня есть предложение: давайте учить друг друга не только на страницах газеты, но и в дружеских письмах, подсказывать, править, одобрять, восхищаться – значит, учиться и творчеству, и общению. А в «нерешаемых» задачах за ответами обращаться будем к более опытным товарищам. Только всегда нужно помнить правила профессиональной этики: к любым замечаниям относиться без обид, с благодарностью.

Даю свой адрес: **690048, г. Владивосток-48, проспект 100 лет Владивостоку, дом 29а, школа № 38, Мачтаковой Алле.**

Номер получил, хорошо вышло. Ежемесячник культурный, желаю удачи!

Кирилл Ковальджи, г. Москва

Получила «ЛитМ» № 5. В нём столько интересного и полезного для нас, читателей, а особенно для начинающих авторов в «Поэтической ниве».

«Литературный меридиан» стал моей любимой газетой, с интересом читаю и стихи, и статьи с замечаниями. В 5-м номере мне очень близок рассказ о художнике Викторе Ваганове, о его судьбе, ведь и у меня отец воевал в артиллерии. Рисунки художника трогают душу. Люди словно живые. А ещё понравился рассказ Светланы Мащенко «Мама Галя». Плакать хочется.

Желаю, чтобы газета просуществовала долго!

Любовь Кузьмина, г. Артём.

Спасибо за все номера ежемесячника. С интересом читаю рассказы краеведов, материалы о войне, особенно стихи военной тематики. Многие из них трогают душу, волнуют до слёз. Это стихи Марины Зайцевой, Александра Егорова, Олега Матвеева, Геннадия Хомского, Аллы Мачтаковой, Надежды Белоусовой, Нины Макаренко и других. О «ЛитМ» рассказываю в школах, в совете ветеранов, в литературных гостиных библиотек г. Рошаль и г. Шатура и говорю собеседникам:

Если смешно,

то (на здоровье) смейтесь,

Но когда худо станет совсем –

Свежей воды

из колонки напейтесь

На странице второй «ЛитМ».

И многие сразу хотят взглянуть на колонку, а заодно и на редактора, который снабжает читателей свежей водой, свежей информацией, свежей почтой. Спасибо!

Мария Калинина, г. Рошаль.

Ничего не надо выдумывать...

Вера АКСЁНОВА,
п. Сибирцево,
Приморский край

* * *

Я не пишу стихи.
Я в них живу.
Лишь в них сама собою
быть могу я,
Лишь в них – сама себе
прощу грехи,
Лишь в них могу познать
себя – другую.

Здесь жизнь моя –
как будто не моя,
Как то письмо,
забытое в конверте.
В стихах же я –
на грани бытия,
На грани светотени,
жизнеспирити.

* * *

В слове скрыта
неразгаданная тайна.
Сила слова велика необычайно.
Словом можно сотворить
любых кумиров.
Им владеющий владеет
целым миром.

Словом можно вдохновить
и опечалить.
Можно крылышки подрезать
изначально.
И возвысить.
И убить неосторожно.
И вернуть из царства мёртвых
тоже можно!

* * *

Автор и лирический герой –
Не одно и то же. Но порою
Автор увлекается игрой,
Входит в роль любимого героя.

И страдает искренне, до слёз,
И не спит холодными ночами,
И болеет, иногда всерьёз,
Вовсе не придуманной печалью.

Он горит и дарит людям свет,
Ад и рай показывая в лицах...
Но поэт – он потому поэт,
Что суда людского не боится.

* * *

Мне не надо ничего выдумывать,
Жизнь сама подсказывает темы.
Как у всех, на радость
и беду мою,
Есть в ней и ошибки, и проблемы,
Есть минуты счастья
и страдания,
И могилы близких на погосте.
И любовь в ней есть,
и понимание.
Нет лишь чувства зависти
и злости.

* * *

Во мне – то гордый Буревестник,
То – всепрощающий Лука.
То – в небо рвущаяся песня,
То – приземлённая тоска.

Вся жизнь закручена спиралью.
Но Нищий – всё-таки Король.
И я живу, а не играю
Придуманную кем-то роль.

* * *

Блестят, искрятся ярким
глянцем
Поэзии «протуберанцы».
Где надо – запятые, точки
И отшлифованные строчки.
Строфа пострижена, побрита
И даже рифма не избита...
Всё так. Но нет души, горенья,
А значит, нет стихотворенья.

* * *

Не искать совершенства –
Всем сердцем
стремиться к нему.
Не искать утешенья –
Другому дарить утешенье.

Стать источником света –
Лучом, побеждающим тьму,
Беззаветно любить –
Только в этом от боли спасенье.

* * *

Туч летучие стада
Над землёю низко-низко.
От тягучей духоты
Трудно думать и дышать.
Словно прячется беда
Где-то рядом, близко-близко.
И предчувствие томит,
И тревожится душа.
Яркой молнии стрела –
Краток миг её свеченья,
Грома яростный раскат
И – поток живой воды...
И, как прежде, даль светла.
И приходит облегченье,
И дождинки на щеках
Словно проблески слюды.
Очищение грозой
Нам даровано как милость.
Чудо жизни, благодать –
Свет небесной бирюзы.
Мы не властны над судьбой.
Только что бы ни случилось,
Буду веровать. И ждать
Очистительной грозы.

* * *

Снова борются во мне
Два начала,
И неясно, где беда,
Где спасенье.
То я верю, что смогу
Жить сначала,
То опять
Одолевают сомненья.

Горизонт затянут
Серым туманом.
Непростой он –
Первый шаг от порога.
Мы на разных кораблях
Капитаны.
Но одна у нас с тобою
Дорога.

ОДИНОЧЕСТВО ПЕРЕД СЛОВОМ

(страницы странствий Михаила Гутмана)

Выбор слова, как выбор судьбы – всегда таинство.

Можно возразить, что судьбу не выбирают. Но кто из нас не стоял на распутье, выбирая нравственным зрением единственную дорогу, а с нею – жизненный путь? Выбор слова столь же мучителен и неисповедим.

*Поэт, он изначально одинок
в своих исканьях истинного слова...*

Средь тысяч строчек Михаила Гутмана совсем немного слов, которые он выделит заглавной буквой: Страна, Не-встреченная Женщина, Творец... Синонимы их отнюдь не сенсационны: Россия, Любовь, Бог.

Когда он был отмечен своей музой, вольной дочерью двух стихий, моря и поэзии? В пятнадцать лет, когда победил на городском поэтическом конкурсе в родном Ленинграде? Или ещё раньше, в апреле сорок четвёртого, когда «счастливым криком оглушил войну вторую мировую»? Какие бы звёзды ни диктовали судьбу, тяжесть своего жребия Михаил Гутман осознал рано.

*«Спустишь на землю», – мне твердили.
Я внял однажды просьбе сей...
Подняли. Крылья обрубили,
чтоб не мешали нашей были.
С тех пор живу такой, как все.*

Но жить «как все» ещё не значит – стать таким, как все. Даже обрубив крылья, попробуйте отлучить моряка от моря, а поэта – от поэзии! Как там у Грина: «Он потерял всё, кроме главного: своей странной летящей души». География мира не столь обширна, когда сужается до одного моря – жизненного. И берегов всего два: родной и чужой. Другое дело, какой из них считать родным: берег Балтики, где родился, или побережье Тихого океана, куда «морем-горем занесло»? Вопрос не праздный.

*Остался в прошлом Ленинград,
таком далёком, что не боле,
чем сожаленья лёгкий вздох
порою душу потревожит...
Сижу, гляжу себе в окно
в сверхдалнем городе Находка.
А мог бы жить в Париже. Но
не то, чтобы не суждено,
а, как ни странно,
неохота...*

О Париже сказано без бравады: мог бы. Не случайно первый сборник стихов Михаила Гутмана был издан во Франции, при содействии Андрея Синявского. Но в коротком слове «неохота» сращено всё: родовая мощь ленинградских культурных корней, упорное желание моряка иметь портом приписки русский город, даже если он «сверхдалний», и главное – сознание себя русским поэтом, для которого нет для жизни другой страны, кроме России.

*Небеса легли на плечи.
А какой с меня Атлант,
если грудь вовнутрь, а печень
вылезла на первый план?
Я б убрал, конечно, плечи,*

*но ведь я чего боюсь –
ладно, враз отчеловечим,
ну а если только Русь?
И от этой мысли самой
так обидно стало мне,
что воспрял я с небесами
и – служу своей Стране!*

Сдержанно-ироничную интонацию на глазах изумлённого читателя взрывает заключительная строка: назвать Россию Страной с большой буквы, да ещё закрепить бесспорную искренность восклицательным знаком! И это в то время, когда в России царит «безумное взаимощенье», когда витии и мессии, того гляди, «проговорят» страну, как в октябре семнадцатого, если, конечно, не пропьют её раньше.

*Но всё же – Боже упаси! –
подумать страшно мне, признаться,
о том, что как бы всей Руси
за рубежом не оказаться.*

Признание знаменательное. Не только для моряка, который «весь мир излазил, мореходствуя», но и для человека, в жилах которого течёт «кровь двух наций». Раскол в мультинациональной стране проходит, как всегда, через сердце поэта, заставляя его чувствовать себя эмигрантом в любой точке земного шара и в любом отрезке времени. Чтобы сохранить душу, остаётся клин вышибать клином и, странствуя по столетиям, вести диалог с вечностью, окликаая Данте и Вергилия, Пастернака и Ахматову, Рильке и Мандельштама.

*Нет, не хандра, но подай мне чего поцианистей.
Где ж это видано, чтоб на Руси да без крайностей?
Нет, не хандра, а кручина – российская, лютая.
Ужли и впрямь несть числа легионам малютковым?*

«Большие города обречены небесным карам...». Большие поэты, заметим, – тоже. Но, для того чтобы соединить расходящиеся берега отчизны, они, как мосты, встают поперёк течения. Противостоят и «радостному предательству», и «взаимощению», и самоубийственной «смуте ради смуты». При этом вовсе не производят впечатления бойцов или трибунов. Просто поэзия становится тем невидимым фронтом, где насмерть сражаются любовь и ненависть, высокая нравственность и духовное убожество.

*Когда звонят колокола,
Господь взирает с высей горних
не на слова, но на дела.
Молитесь сердцем, но не горлом...*

Примечательно, что ни в одном сборнике Гутмана не найти жалобы или просьбы, обращённой к Богу. Ибо Бог для него, прежде всего – Творец, произведения которого не оценены в мире людей. «Цари природы» не только не стремятся постичь Божий замысел, но в гордыне своей отходят от него всё дальше. И понять это способен тот, кто сам познал муки творчества. Вот когда происходит потрясение:

*Бреду себе, посредством лужиц
Разглядывая небеса,*

*И постигаю тихий ужас
Всеодионочества Творца.*

Так рождается непередаваемая гутмановская интонация: человек сочувствует Богу, сознавая глубину Его трагедии: в неутомимых попытках улучшить мир, сотворённый Творцом, «человеки» не желают слышать о собственном несовершенстве.

*Отечество в опасности от нас,
А мы перед собою всё лукавим
И гладим недвусмысленный запас
Камней, что вечно кстати под руками.
Не время ль, как смолчал Екклезиаст,
Оставить вообще в покое камни?
Какой уж век мне не поднять лица,
Чтоб без стыда взглянуть в глаза Творца...*

«Мне»... Чуть ранее в сборнике «Попытка прогулки» читаем горькое: «Мне-то что, я – Гутман. Я – не лезь. // Я – молчи. Я лишь русскоязычен...»

Пожизненная боль души становится временами настолько мучительной, что привычную иронию сменяет сарказм. Но даже он бессилён скрыть незаживающую рану:

*...национальностью не вышел.
Вернее, вышел, но не там.
То ль потому, что мне об этом
Твердят всю жизнь, я стал поэтом,
То ли поэтому не стал...*

Не претендуя на неоспоримое право Времени выносить окончательный вердикт «стал или не стал», заметим, что чувство «всеответственности», равно как и умение оставаться самим собой – едва ли не первые отличия настоящего поэта. Но поэт ли, философ – что он может сделать с живой человеческой тоской и непридуманной болью одиночества? Проклятые вопросы...

*Отшельник: Пустынник? Изгой?
До сути допытливый странник?
Избранник юдоли другой?
Неисповедимости данник?
Откуда? Зачем? И когда?
Что, если и вправду случаен?
Единожды ли Та Звезда
Спасения путь освещала?..
Так волчьего тайна вытья
Вдруг в ночь полнолуныя раздавит...
О замкнутый круг Мироздания!
О замкнутый круг Бытия...*

Акростих с кодой не случайно венчает двойное «о»: гулкое его эхо нарастает в каждой новой книге Гутмана. Одиночество, отражённое в равнодушных зеркалах окружающего мира, множится и становится одиночествами. И если небольшой сборник, вместивший два венка сонетов, наречён «Двумя одиночествами», то предпоследняя прижизненная книга – «Одиночества» – становится исповедью человека, осознавшего свою «непрощеность» и «нечаянность» в этом мире.

Путешествия открывают ему сходство людей в любой точке земли. Книги открывают родство их во времени. Помимо поиска веры людей во все времена роднит желание любить и быть любимым. Но как найти её, Единственную, если большая часть жизни проходит в море? Как пережить разрыв души, смириться с набившими оскомину «современными реалиями»?

*Что может быть больней и горше,
Чем современная любовь?..
Вот стало модным слово «ретро».
Но – применительно к вещам.*

*А я – любил в манере этой.
В манере этой же – прощал.*

Может, потому и прощал, что сознавал себя человеком другой эпохи, рыцарской? «Месье, вы оскорбили даму...» Но разве рыцари, равно как и поэты, принадлежат какой-то одной эпохе? Переключка с поэтами прошлых веков обнаруживает, что вечен не только вопрос женщины: «Мой милый, что тебе я сделала?», но тоска мужчины: «Любимая, где же ты, никогда не пришедшая?» Безответное эхо этих вопросов сотрясает космос.

Тяжелее всего жить памятью о любви, которую так и не встретил. Почему она помнится, чем живёт? Но вот – живёт и помнится... Чувствует ли он, живущий, «сиротствуя», что ищет выход из тупиков внешних? Сознёт, что главный тупик – в душе? Да. А что? Всё одно это ровным счётом ничего не меняет.

*Моя душа, как спирт, чиста.
С меня довольно и креста,
точней, распятия дорог,
с которого меня лишь Бог,
оплакивая, снимет...*

Кто сказал, что Всевышний смеётся над планами человека? Скорее, сдерживает печальную улыбку: бойся исполнения желаний! Что моряку желаннее берега, узнику – свободы, а поэту – уединения? Но моряк на берегу – гость, а свобода, которую передержали во тьме, беспомощно слепа на солнце. И поэт тяготится затворничеством: ему необходимо быть услышанным. Зацитированная «роскошь общения» подразумевает счастье взаимного понимания. А если его нет? Бежать из города, искать спасения у Природы? Остановиться, оглядеться, не мчаться «вперегонки с самим собой». Хоть однажды проснуться не «лицом, посещающим службу, а, как в детстве, проснуться не зря». Горожанин-язычник, он не единожды совершает попытку прогулки по улицам, где «с рёвом проносятся МАЗы, КамАЗы, БелАЗы и КРАЗы так, что в асфальтовых дёснах шатаются зубы домов». А потом, никому ничего не сказав, уезжает за город, где «осень, рыжая распутница, так восхитительно грешна». Но что утолит тоску моряка, помноженную на тоску горожанина?

*Устав от равнодушных почестей
И суетудрия речей,
Я возвращаюсь в одиночество,
Где так прекрасно я ничей...*

Как бы ни желал поэт быть услышанным, ему отчаянно плохо в толпе. Меж земель и времён бродят толпы людей одиноких. Среди них всё больше людей потерянных, без конца агрессивно предъявляющих счёт всему миру, включая Творца: это не тот мир, Господи! Верни нам другой, правильный!

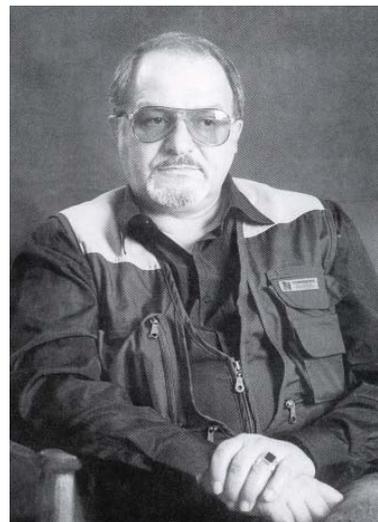
Странствия не спасают. Но поиск Любви прекратится лишь с поиском смысла жизни. То есть с истечением земного срока. Два глубоких чувства: безответная любовь к России и безнадежный поиск идеала взрастили «всеодионочество» Гутмана-поэта. Между любовью к России и любовью к женщине, как символу и смыслу жизни, пролегли сотни и тысячи его строк. Так шпалы связывают рельсы, по которым, словно корабли со стапелей, одна за другой сойдут его поэтические книжки.

*И лишь к России безответная
Любовь, мне ставшая судьбой,
Одарит славой вдруг посмертною,
Как всех других.
Само собой...*

Это константа. И здесь, действительно, кончается поэзия и «дышат почва и судьба»...

Признание

Михаил ГУТМАН,
г. Находка

НЕБЕСА ЛЕГЛИ НА ПЛЕЧИ

Небеса легли на плечи.
А какой с меня Атлант,
если грудь вовнутрь, а печень
вылезла на первый план?
Но никто не замечает
всех моих нездешних мук.
Что там граждане кричали
про единство наших рук?
Я б убрал, конечно, плечи,
но ведь я чего боюсь –
ладно, враз отчеловечим,
ну а если только Русь?
И от этой мысли самой
так обидно стало мне,
что воспрял я с небесами
и – служу своей Стране!

ПРИЗНАНИЕ

Не скажу, чтобы в охотку
я приехал в град Находку –
морем-горем занесло.
Не скажу и то, что сразу
полюбил, окинув глазом,
не найдя при этом слов.

Пару слов нашлось, конечно.
Не скажу, чтобы сердечных,
но – печатные вполне.
В час сердечной смуты, впрочем,
когда слёзы жгли мне очи,
до красот ли было мне?

А потом Она явилась,
как ниспосланная милость.
Не скажу, чтобы с небес,
но с Находкою в подарок.
Не царица, но Тамара.
Кто сказал, что нет чудес?

* * *

В голове восхитительно пусто!..
Ни намёка на мысль. Ни черта!
За окном воробьи многоусто
С вызывающим завистью
искусством

Матерят мафиози-кота.
Как ни странно, а не раздражает
Перебранка, а, наоборот,
Даже нравится, как возражает
Озверевшей пернатой державе,

Не теряя достоинства, кот.
Я с постели себя выгружаю
И – на цыпочках. И – на крыльцо.
И до мозга костей горожанин,
Пряча тело в дурацкой пижаме,
Как язычник –
встречь Солнцу лицо...

* * *

Булату Окуджаве

Горели свечи на столе,
и освещали стол. А также
висок корнета, пистолет,
колоду карт, мелок, брегет,
младой прелестницы
портрет...
Короче, атрибуты лет,
бесчестью смерть
предпочитавших.

* * *

Устав от равнодушных
почестей
и суемудрия речей,
я возвращаюсь в одиночество,
где так прекрасно я ничей.
Где нет ни встречи,
ни прощания,
где всё моё – вплоть
до отчаяния,
что подарить любви не смог...

Я возвращаюсь в одиночество
Не потому, что мне
так хочется,
А потому, что одинок...

* * *

Когда звонят колокола,
Господь взирает с высей горних
не на слова, но на дела.
Молитесь сердцем, но не горлом.
Довольно всуе вопрошать:
доколе, Господи, доколе?
Пока не искренна душа,
Бог не услышит нашей боли.

* * *

Н. Рубцову

Я забыл, как выглядит роса,
На мордашках утренних
цветов...

Я забыл, как выглядят леса
Под зарёй, текущей с облаков.
Я забыл вкус ключевой воды...
Долго ли и вправду до беды?

* * *

Моя душа, как спирт, чиста.
С меня довольно и креста,
Точней – распятия дорог,
С которого меня лишь Бог,
Оплакивая, снимет...

* * *

Прости, Господь,
что был не тем, кем был,
прости меня за то,
что Дар поэта
разменивал на пьяные куплеты,
любя, увы, не тех, кого любил.

Прости, о Боже, своего раба,
прости за то, что вольно
иль невольно,
я делал близким
и неблизким больно,
причём не перекрещивая лба.

Да, я полжизни морю подарил,
поскольку море,
в сущности, лишь средство
для мужественного,
но всё же бегства
от жизни, кто бы там
ни говорил.

О как нелепы «если б да кабы»
в попытках всуе
самооправдаться!
Но время собирать
и – собираться.
Прости, Господь,
что был не тем, кем был!..

Прошлое

Николай СУНДЕЕВ,
г. Сан-Франциско,
США

НОЧНОЙ САМОЛЁТ

Провожаю растерянным

взглядом
в тишине невозможной ночной
самолёт, пролетающий рядом
с алюминиевою луной.

Он мигает огнями над бездной,
утверждая: лететь веселей,
чем кружить по привычной
и пресной
суматошной орбите моей.

Это чистая правда.
Но всё же
не на привязи я. Всё придёт,
и однажды отправлюсь я тоже
в увлекательный дальний полёт.

Полечу над мерцающей бездной,
чтоб хотя бы на несколько дней
позабыть о привычной и пресной
суматошной орбите моей.

ИЗ ДВУХ НАЧАЛ...

Душе грешно без тела,
как телу без сорочки.

А. Тарковский.

1.
Я помню день, когда душа моя
одновременно это ощущала:
незыблемые вечные начала
и зыбкую подвижность бытия.

То был обычный день
в разгар весны.
Я поражался резкости и силе,
с какой начала эти проступили –
так, словно одинаково важны,

так, словно бы материя и дух
уравнены в правах,
и нет главенства,
а есть лишь Путь:
стремиться к совершенству,
к единству ипостасей этих двух.

2.
Из временного состою
и вечного –
как всё на свете.

Как две лозы, начала эти
в судьбу сплетаются мою.

Сливаются, как два ручья,
животворящи и упруги,
и растворяются друг в друге,
переливаясь...
Это – я.

Из временного состоим
и вечного.
О два начала!
Дух, что не ведает финала,
первичен. Оболочка – дым.

Дым, без которого ни дня
не протекает в вечном цикле;
дым, без какого нет огня,
что жизнью называть привыкли.

ПРОШЛОЕ

В череде потерь,
в отсветах удачи
многое теперь
вижу в нем иначе.

Где был тусклым свет,
появилась яркость.
Изменился ракурс
пролетевших лет.

Что-то вновь в былом
высветится резче,
под другим углом
я взгляну на вещи, –

а оно былым
быть не перестанет,
но опять иным
предо мной предстанет.

ПОЕЗДКА

Хлопотные сборы те,
долгий перелёт...
Что мне нужно в городе,
где никто не ждёт?

Дело неизбежное –
город стал другим.
Только имя прежнее
остаётся с ним.

Поиски напрасные
жизни, что прошла...

Дни такие ясные,
полные тепла.

Но дохнуло холодом
в час прощанья с ним,
незнакомым городом
с именем родным.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

В спокойном воздухе лесном
читалось без труда
предупреждение о том,
что скоро холода,

что скоро ляжет снег, глубок,
накроет всё собой...
Куст у ручья ронял в поток
листок последний свой –

и, принимая эту дань,
напориста, светла,
по всем изгибам русла
вдаль
вода листок несла...

К закату подходивший день
не хмур был, а пожог.
Был заострённый верху пень
на карандаш похож.

То след строителя-бобра:
для своего жилья
зубами срезал он вчера
осину у ручья.

Тропа вилась..
Шумел ручей,
сквозь чащу воды нёс.
Мы шли, компания друзей
и добродушный пёс.

Бил солнечный сквозь хвою луч.
Был лес со всех сторон
так убедительно могуч...
Был первозданен он.

Пес грыз какую-то траву
от тропки в стороне.
Всё это было наяву.
Всё было как во сне...

Я всё запомню из того,
чем этот сон богат,
и жаль мне только одного:
что повернём назад...

Доверие

Анна ПЕТРОВА, г. Калгари, Канада

Доверие

Трудней всего довериться
другим.
Боязнь предстать и слабым
и нагим
в своих надеждах нас лишает
слова.
И впрямь: иной доверие внушает
смело,
но как коснется с ним наладить
дело –
узришь себя беспомощно нагого.

Другой нам кажется
и хрупким, и ранимым.
В чём только он черпает
жизненные силы?
Как сам живет,
лишь верою храним?
Но в трудный час,
в миг горести и боли
он не оставит друга одного
в юдоли.
И будет сердцу
так спокойно с ним!

Истина

Пока в груди у вас живое сердце
бьётся,
умейте слышать то,
что истиной зовётся.
Увы! Как ненавязчива она!
А ложь...
Она фонтанами струится
из уст людей,
готовых в споре биться
и одолеть ту истину сполна.

У истины нет доводов весомых,
она невидима
среди вещей искомым –
материальное непостижимо ей.
И кто доверит
свою жизнь соблазнам –
в грязи завязнет непролазной
и потеряет искренних друзей!

Клятва

Кто клятву даст,
тот станет несвободен!
Для всех ли дом
с решетками пригоден,
Пусть даже этот дом
сравним с дворцом?
Но если клятву дашь –
будь верен ей до смерти.
Ты за слова свои
перед судьбой в ответе.
Неисполненье клятв
запрещено Творцом!

И если свой обет
исполнишь ты ко сроку,
То сердцем припадешь
к священному истоку –
Поймешь завет Господень:
Не клянись!
Но грех другой
в тебя войдет отныне
И в собственных глазах
поднимет ввысь гордыня...
И вот тебе совет:
от клятв освободись,
Но выполняй свой ДОЛГ
перед людьми другими!

Закружило

Закружило по свету белому –
Ветер в спину,
На сердце грусть.
Где б я ни была,
Что б ни делала,
Позовет меня – отзовусь.

То не видит нас,
то не слышит нас,
Тех, кто хочет ей жизнь отдать.
То приветит тех,
кто ее продаст,
Чтоб простить,
а потом обнять.

Только мы ведь с тобой
не гордые,
Понимаем, в чем корень зла:
Испокон веков на подводах-то
Она наши грехи везла.

А грехов тех...
Да кто ж сочтет?
Той и цифры на свете нет.
И по спинушке по ее течет
Кровь рекой.
Вот такой ответ.

Что не видит нас –
пот ей застит свет,
Что не слышит нас –
сердце гулкое...
Про предателей –
то врагов навет,
Наказать чтоб нас всех
разлукою.

Закружило по свету белому...
Насмотрелась – в сердце грусть.
Где бы ни была, что б ни делала –
Позовет меня – возвращусь.

Алхимия

Александр БАЛТИН,
г. Москва

Александр Львович – член Союза писателей Москвы, автор 20-ти поэтических книг, свыше 450 публикаций в 77 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Италии, Польши, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

АЛХИМИЯ

Алхимия жизни
Чрезмерно сложна.
Терпения жилы,
Смиренья луна.

Мечтаний довольно
Корявы края:
Конечно, невольно
Обрезался я.

И капелька крови –
Горячий рубин
Из области нови
Далёких глубин.

Смешаешь в реторте
Былое... а с чем?
Кровь ходит в аорте,
Чужая совсем.

Алхимия жизни
Хотя и сильна,
Иллюзии лживы
Во все времена.

* * *

Зима подтаяла мороженым.
Блестит янтарный небосвод
Над миром, будто огороженным
Режимом календарных нот.
Мост над оврагом – там.
В провинции –
Вибрирует от мчащих в даль
Машин... И нет моей
провинности,
Что для мечтаний дней
не жаль.
Снег шубкой заячьей
распластанный
Тут на асфальте...
мёртвый зверь.
И всё же день,
ходьбой рассказанный
Мне интересен – верь, не верь.
В нём сумма золотистых
разностей.
...сугроб весь в оспинах весны.
И свет расцветает,
новой радости,
Коль зимние уходят сны.

* * *

Недавно замощённые дорожки
Бульвара отливают под дождём
Тюленьей шкурой –

но чуть-чуть, немножко,
И нефтью, золотой весьма
притом.

Шарами фонарей переливают
Дорожки, и таинственны они.

Так много мне внезапно
открывают
Окрестные огни...

МИССИЯ

ШПРЕХШТАЛМЕЙСТЕРА

Шпрыхшталмейстер объявляет
В старом цирке номера.
И мундир его сверкает,
Что сегодня,
Что вчера.

Группа храбрых акробатов!
И уже спешат они.
Заведённость автоматов,
Трюков сложные огни.

Тигры, дрессировщик славный.
Важно хищники идут.
Шаг упругий, вместе плавный.
И огонь не страшен тут.

Ну а клоунов не надо
Объявлять. Полно реприз.
Цирк едва ль подобье сада,
Но – полно счастливых лиц.

Счастлив человечек что ли
Сей работою своей?
Или он заложник воли
Золотящихся огней?

Вот он снова объявляет,
И довольно строг лицом.
И – заботы отменяет,
Все заботы – на потом!

Отрешитесь, отрешитесь!
Радуйтесь душой сейчас.
С радостью соединитесь,
Всё хорошее для вас.

Шпрыхшталмейстер объявляет
В старом цирке номера.
И мундир его сверкает,
Что сегодня, что вчера.

ВОКРУГ МОБИ ДИКА

Весы качаются над бездной –
Насколько знает человек
Закон их действия железный?
К добру склониться чтоб,
а не к...

Коль кашалот дан
будто символ,
Погоня нам не по зубам.
А вы хотели б клумбу примул?
Уютный дом приятней вам?

Гарпун догонит кашалота!
И мяса будет сочный груз.
Ахав. Библейская работа,
Которой смысла я боюсь.

Кот-кашалот, котьяра милый.
Дом обстоятельств нехорош.
От жизни, уж давно постылой,
Как ни старайся, не уйдёшь.

Весы качаются над бездной.
Ко злу склоняться не моги.
И долей кажутся плачевной
Твои – пред высотой – долги.

* * *

Деревья чёрные и белый –
Такой по-детски белый снег.
Глядит на снежность очумелый
От силы счастья человек.

Глядит, забывши на мгновенье
Про сорок лет, про жизнь-печаль.
И новое стихотворенье
Отдать молчанию не жаль.

Не пиши в пустоту

Александра ЗОЛОТАРЬ,
г. Щелково Московской области

Александра Сергеевна пишет о себе: родилась 22 года назад, хотя неважно сколько – важно где: в славном городе Курчатове – вблизи Курской атомной электростанции. Уже давно подозревала, что этот факт моей биографии не пройдет бесследно: иногда кажется, что некоторые психологические (слава богу – обошлось без физических) особенности моего организма могли взяться только оттуда. Стоило закончить журфак МГУ, чтобы понять, что журналистами не становятся, а рождаются. Сейчас живу в Московской области, работаю по специальности, играю в баскетбол, совершенствуюсь в фотографии, пью зеленый чай и читаю Бродского. Да, и еще я пишу стихи. Но об этом мало кто знает... Теперь знаете еще и вы.

* * *

И. Бродскому

Наличие мозга важнее других
наличий,
Особенно если за ширмой
не видно лиц.
Упорно себя загоняю
в квадрат приличий,
Но буйные буквы торчат из его
границ.
Помноженный на два радиус
даст причину
Увидеть за вроде бы кругом
не просто круг,
И несколькими глупым цифрам
добавит чину,
И вызовет ряд пожатий
шершавых рук.
Но, если законы света
не рады звуку,
Придется мириться
с соседством кривых лучей.
Неловко. Как будто,
когда вам целуют руку,
И хочется, густо краснея,
спросить «зачем?»...

Никакой мелодрамы

Никакой мелодрамы.
Все тихо. Никто не погиб.
Ни жестоко разбросанных книг,
ни разбитой посуды.
И давно закрепившийся
в съёженном мозге изгиб
На корню пресекает все то,
что затеет рассудок...
До конца и не больно –
вот принцип обмена веществ.
И побольше кефира –
советует тетя в халате...
Я сегодня себя ощущаю
одним из существ,
Про которых врачи говорят:
поиграли и хватит...

Никакой мелодрамы.

Я снова пишу по ночам,
Иногда забывая глотать
то, что мне прописали,
И гостей узнаю по ботинкам
и громким ключам,
Потому что пространство
всегда отражает детали...
Но, как все в этой жизни,
детали имеют предел.
Лимитируя сотни причин
и, как следствие, следствий,
Человеческий мозг –
генератор чудовищных дел –
Для спокойной и ровной работы
блокирует сердце.
Все в порядке. Давно и надолго.
Никто не погиб.
Никакой мелодрамы.
Я даже по ней заскучала.
Как же здорово то,
что мой съёженный сердца изгиб
Не согласен сдаваться
и все начинает сначала...

Не пиши в пустоту

Я вчера полюбила смотреть
на потертые крыши,
на тоску и недвижные сны
одиноких домов.
Если ты в темноте, то вокруг
и спокойней, и тише,
если ты в пустоте,
то не чувствуешь стен и углов.
Если хочешь — кричи,
если можешь —
попробуй заплакать.
Только я бы не стала,
но дело, конечно, твоё...
Если в городе дождь,
где пониже — получится слякоть,
Где повыше — намокнет балкон
и, конечно, бельё...

Не пиши в пустоту,
это больно и просто ошибка.
За каким-то ненужным порогом,
встречая рассвет,
пустота никогда не ответит
тебе ни улыбкой,
ни... (я даже вообще сомневаюсь,
что будет ответ).
Я пишу, как вчера,
но сегодня не черным, а белым:
белоснежные строчки на белом
и чистом листе.
И сдаётся мне, я доигралась:
сама опустела.
И пишу в пустоту.
И, похоже, живу в пустоте.

Как девочка

Когда-нибудь
опять наступит май,
А может быть,
и что-то вроде лета.
Как хочешь, так меня и понимай,
Я девочка без карты и билета...

Мы снова упираемся, но ждем,
Когда опять наладится погода,
А я умею плакать под дождем,
Как девочка без имени и рода...

И, кажется, я больше не боюсь
Расплакаться
под глупые улыбки,
А ты не обижайся и не трусь:
Я девочка,
протившаяся ошибки...

А после будет долгая весна,
Которую я встречу безоружной,
Как девочка из маминого сна,
Где я себя почувствовала
нужной...

ПАСТОРАЛЬ

Валерий БРУСКОВ,
г. Екатеринбург

Пасты коров...
 Экзотика...
 Шарман...
 Для отпуска –
 блаженство неземное!
 Элегии...
 Буколики...
 Роман...
 Тибулл...
 Вергилий...
 Очередь за мною!

Уйти на день
 в цветущие луга,
 Средь юных нимф
 надолго оказаться –
 Какой же муз
 поклонник и слуга
 От этого
 захочет отказаться?!

И вот я здесь...
 И слышу в тишине
 Скрепки ручья,
 ползущего в овраге,
 Надрывный писк
 пичуги в вышине –
 И руки сами
 тянутся к бумаге...

Я Музагет!
 Я Феб!!
 Я Аполлон!!!
 Я стар для муз
 немножко?
 Ну так что же!
 Вокруг меня
 бурёнки дряют склон.
 Их раз, две, три...
 О, боги!
 Девять тоже!!!

Я полон грёз...
 Настроилась Душа...
 Уже стихам
 положено начало...
 Я весь к листку
 прижался,
 не дыша...
 И тут внезапно
 что-то замычало!

Открыл глаза
 и вижу:
 о, Плутон!
 Прервав со мной
 лирические узы,
 /Да пусть простят
 меня за моветон /
 Попёрлись в рожь!
 Коровы эти!!
 Музы!!!

Я вирши – в зубы,
 кнут наперевес,
 И ну за ними –
 музами с рогами!
 И вряд ли самый рьяный
 из повес
 Со мной сравнится б
 резвыми ногами!

Собрал их в круг,
 склонился над листом,
 Взметнулась ручка –
 милая сестрёнка...
 И в этот миг
 /коварная – хвостом! /
 Меня из трансa
 вывела бурёнка.

Смотрю: стоит,
 комолая мадам,
 Моя Эвтерпа
 с чёрными глазами...
 Да я же с ней
 такое тут создам –
 Умою мир
 умильными слезами!

– Иди, пасись, прелестница,
 иди...

Не пяль глаза,
 бесстыжая блудница!
 И так призывно
 лучше не гляди –
 Не то в меня
 удумаешь влюбиться... –

Лежу в траве.
 Какая благодать!
 Чем разрожусь:
 поэмой или одой?
 За это счастье
 всё не жаль отдать –
 За краткий миг
 слияния с Природой.

В таком раю
 шедевры создают
 И тишине внимают
 тонким слухом.
 Но вот опять
 покоя не дают!
 Пришла... Мычит...
 Не где-то,
 а над ухом!

– Уйди, зануда!
 Мочи больше нет!
 Полдня уже
 с буколикaми маюсь!

Да мне сейчас
 прирезился сонет!
 Мотай к своим –
 копыта обломаю!!!

Катись отсюда,
 брюхо без рогов!
 Дай человеку
 лирике предаться!
 Я прожил жизнь
 без драк и без врагов,
 Теперь с тобой вот
 хочется бодаться!

Прогнал корову,
 снова за стихи,
 Уже почти
 закончено сказанье...
 Но только вдруг –
 /о сборище стихий!!! /
 Опять мычат!
 Да что за наказание!!!

– Какого чёрта
 глотки раздирать?!!
 Здесь не Большой
 и даже не Ла-Скала!!!
 Пожрать бы вам
 да хором поорать!
 Куда, куда,
 мерзавка, поскакала?!!

Куда тебя,
 безрогую, несёт?!
 Писать бы мне,
 а я с кнутом охочусь!
 Ну кто же вас
 в Историю внесёт,
 Дурёхи,
 если я не позабочусь?!

Да слышу! Слышу!
 Связки не порви!
 И так орать мужчине
 неприлично!
 Пойди вон той засоне
 пореви –
 Она как раз
 настроена лирично...

Ну ладно! Всё!
 Заканчивать пора!
 А то у всех
 полопаются пузы...
 Заходит солнце,
 схлынула жара...
 Айда домой,
 заевшиеся музы!

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Людмила БЕРЕСТОВА,
г. Лесозаводск
Приморского края

Братишка

В нашем доме появился
Этот маленький злодей.
Он у мамы родился
И зовут его Андрей.

Запищит – его покормят,
Закричит – уложат спать,
Но сначала покачают,
А потом уже - в кровать.

Обижаюсь, злюсь напрасно,
Не хочу идти домой.
Но сказала мама ясно,
Что теперь он братик мой.

Хорошо! Раз мой, то ладно.
Очень всех благодарю!
Но придет тётя Света –
Ей братишку подарю.

Парикмахерша

Лежала в ящичке стола
Машинка для волос.
Без спроса я её взяла,
Зачем мне нужен спрос.

Я только чёлку расчесать
Хотела штукой той,
Как чёлка стала опадать
На туалетный стол.

– О ужас! Как и почему?
– И в зеркале – не я.
– А что я маме расскажу? –
И слёзы в три ручья.

Странная дружба

Я утром дружила
С соседкою Таней.
В обед – с одноклассницей
Девочкой Аней.

Потом, после полдника,
С девочкой Валею,
А вечером с сёстрами
Женей и Галей.

Но что-то не ладится
С дружбой моей.
Опять я одна,
Без подруг и друзей.

Подумаешь, что-то
кому-то сказала.
Подумаешь, чей-то
тайник показала.
Кого-то обидела,
но ведь не сильно.
И прозвище дала такое умильное.

Я очень хорошей подружкой была.
Я честной была, никому не врала.
Так как же мне быть?
Я чего-то не знаю?
Эй! Где вы, подружки?
Я с вами играю!

Краснуха

Я доволен от уха до уха:
У меня – коревая краснуха.
Я на время про школу забуду,
И уроки я делать не буду.

У меня карантин, я в постели.
Я ослаб, говорю еле-еле:
– Мне, пожалуйста,
мультик включите,
Чем-то вкусным меня полечите.

Но потом тётя доктор пришла
И болезни во мне не нашла.
Это я потому раскраснелся,
Что вчера мандаринов объелся.

Прогулки с папой

Мне с папой нравится гулять
И всё друг другу позволять.

Я позволяю папе
Гулять по парку в шляпе.
Иль на скамеечку присесть,
В газетах новости прочесть,
Иль с дядей в шахматы сыграть
И, может, даже выиграть.
А я могу кричать, болтать

И громко-громко хохотать.
Могу на дерево взобраться
И там, на ветке покачаться.
Затем оттуда прыгнуть вниз
И получить от папы приз.
Могу валяться на траве,
От папы спрятаться в листве...
А если лужу отыскать –
Могу кораблики пускать.
И поплывут они скользья...

А с мамой этого нельзя!

Спортсмен

Любит Ванечка покушать,
Но не любит маму слушать.

– Перестань жевать, Ванюшка.
Станешь толстым, как подушка.
Надо спортом заниматься,
А не с миской обниматься.

– Что ты, мамочка, нет, нет!
Мне ещё не много лет.
Я немного подрасту
В ширину и в высоту.
Всё получится само –
Стану я борцом-сумо.

Для чего?

Нужен рот, чтоб говорить.
Чтобы есть и воду пить.
Чтобы песни петь, кричать.
Нужен рот, чтобы молчать.

Вот ещё один вопрос.
Для чего же нужен нос?

Нужен нос, чтобы дышать,
Чтоб платочком вытирать.
Носом можно посопеть.
Папе нужен, чтоб храпеть.

Мои ВОСПОМИНАНИЯ...

Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва

Когда над синью тающих сугробов

Когда над синью
тающих сугробов
Звезда Денеб * качнулась
в небесах,
Мой мальчик,
лебеденок крутолобый,
Твой век отсчет свой начал
на часах.

Но войны не смолкают,
как и прежде,
Неся над миром облако смертей.
И матери в тревоге и надежде
Все так же поджидают сыновей...

Пока ты спишь,
зажав в руке игрушку,
Чему-то улыбаешься во сне,
Кого-то снайпер
вновь берет на мушку,
И чей-то дом опять горит в огне.

Мой мальчик, как тебя уберезу?
Возьму на руки, заслону собою?
Какие силы я найти смогу,
Чтоб уберечь от смерти
нас обоих?

Спи, птенчик мой,
так долго до утра.
Пусть будет сон твой
сладким и спокойным.
Я мать, теперь пришла
моя пора –
Не спать в ночи
и слать проклятья войнам.
.....

На нашей взбудораженной
планете,
Летящей сквозь космическую
тьму,
Спит мальчик мой,
единственный на свете.
Не дайте, люди, умереть ему!

* Денеб – звезда первой величины в созвездии Лебедь. Наблюдается над территорией России с середины весны до осени.

Все чаще хороню друзей

Все чаще хороню друзей.
Они уже так близко к Богу,
Как будто мне торят дорогу
И ждут меня в краю теней.

И я в рассветных небесах
Ловлю сквозь чудный свет Фавора
Уже созвучиями хора
Друзей ушедших голоса.

Хранят заботою своей,
Касаясь нежными крылами.
Все чаще хороню друзей.
Все больше ангелов над нами.

Твой ритм, что мною впитан с молоком

Твой ритм, что мною впитан
с молоком,
Куда как много больше,
чем привычка.
Не оттого ли, тот,
кто не знаком,
Так быстро признает во мне –
«москвичка».

Не выбираешь место, где рожден.
Зачем-то так судьба определила.
Но дом, с которым связан
сладкий сон
Из детства, нам извечно
будет милым.

И комната, где сделал
первый шаг,
и двор...
Со мной мои воспоминанья...
Москва, несущий твой
знак –
Тепло ладони маминой касанья,
Московский дух – не нынешний,
а тот,
Что полон доброты и соучастья,
Души открытой всех,
кто здесь живет,
Не в поисках
«стремительного счастья»,

И жил, не выбирая, где сытней,
Познав здесь горе,
радость и сомненье.
«Московский» говор
наших сыновей –
Залог и символ:
будет возрожденье.

Сквозь толщину больничных стекол

Отцу

Сквозь толщину
больничных стекол
Теперь всю жизнь яснее видно.
Как сладость детских слез далеко
И что обиды не обидны.

Слепых палат мужские стоны
Меня ожгли таким прозреньем.
За боль твоих ночей бессонных
Не искупается прощенье.

Но вновь за горечь ран незримых
Твой голос шепотом до дрожи
Прощает нас – неоправимо
С тобой характерами схожих.

Что, кажется, может быть проще?

Что, кажется,
может быть проще?
Билет оплачу серебром –
Туда, где знакомые рожи
Октябрьским окутаны сном.
С утра на наличниках иней.
В зубах ломота от воды.
Безлюдные, словно в пустыне,
Забыто чернеют сады.
Казалось, что проще быть может?
Вам – шум в суете городской,
А мне несравненно дороже
Осенний раздолбный покой...
Но мне не хватает тревоге
Ночных телефонных звонков.
Мой город – владыка мой строгий,
Твоих не избуду оков.
И даже в недолгой разлуке
Чужой не прельщает уют,
Когда узловатые руки
Моих переулков зовут.

«...Маленькая жизнь моей девочки достойна того, чтобы люди знали о ней и помнили. Окунитесь в радости совсем юного человека. Почувствуйте счастье ожидания прекрасного будущего, беспредельную надежду, нет, веру девочки в бесконечно долгую и замечательную жизнь».

Эти строки из книги «**Какое счастье просто жить**» Евгения Яковлевича Синякова о своей дочери Ане, маленькой талантливой девочке, которая так рано ушла из жизни. В 2005 году Ани не стало, ей было всего 14 лет.

Уважаемая редакция, на конкурс я отправляю несколько стихов Ани о войне. Хотелось бы увидеть их на страницах вашей газеты.

С уважением **Валентин Видулов**.

Анна СИНЯКОВА,
г. Благовещенск

Пусть останется в прошлом

Спросите у любого:
– Кому нужна война?
– Для жадных и богатых
Желанная она:

Они мечтают править миром
И судьбами людей владеть,
На крови и несчастье
Еще разбогатеть.

Ушла война. А вместе с нею –
Несчастье, горе, смерть, беда.
Пусть остается это в прошлом
И не вернется никогда!

конкурс

9 Мая

История

Наш бывший фронтовик-герой
Сегодня стар, и слеп, и гол,
Участник легендарных войн
Зовется кратко словом «ВОВ».

Второго фронта ты не ждал –
Спасал Европу ты от бед.
Но США переписать
Спешат историю побед.

СССР героев честь
Россия защитить должна:
У нас у всех была, и... есть,
И будет Родина – одна!

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник «**Литературный меридиан**» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: **692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

1 месяц — 50 рублей,
2 месяца — 85 рублей,
3 месяца — 120 рублей,

**6 месяцев — 200 рублей,
1 год — 400 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

Для подписавшихся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

От редколлегии.

Огромная просьба к нашим авторам присылать корреспонденцию **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** по адресу **редакции**, указанному в выходных данных ежемесячника.

Кроме того, в очередной раз обращаем внимание подписчиков на необходимость соблюдения обязательных требований, предъявляемых к присылаемым публикациям.

ВНИМАНИЕ!

Продолжается литературно-художественный конкурс, посвященный **Победе над фашизмом** в 1945 году.

До 30 августа 2009 г. на конкурс принимаются поэтические, прозаические, публицистические произведения, а также фотографии, посвященные участникам и событиям Великой Отечественной войны. Авторские работы высылаются по адресу нашего издания с пометкой на конверте «**НА КОНКУРС**».

По многочисленным просьбам участников сроки подведения итогов переносятся на **ОКТАБРЬ** 2009 г.

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ,
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
(представитель в г. Хабаровске,
тел. 8 924-206-04-76).

Объем издания – 4,5 печатных листа.
Тираж 1000 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 июня в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.